Б45 1/71

8 45-1-71

МОСКОВСКИЙ ИСТПАРТ

★

Е. ЛЕВИ

ТОВАРИЩ „ВЛАС“

★

„НОВАЯ МОСКВА“

5440

МОСКОВСКИЙ ИСТПАРТ

8 45 1/71

ТОВАРИЩ „ВЛАС“

(ВАСИЛИЙ МАТВЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК,
ВОСПОМИНАНИЯ и СТАТЬИ

СОСТАВИЛА
Е. ЛЕВИ

1 ★ 9 ★ 2 ★ 6
„НОВАЯ МОСКВА“

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
3-я „МОСПОЛИГРАФ“
Москва, Малая Грузинская,
Столярный пер., дом 5-7.
Мосгублит № 35162.
Тираж 2.000 экз.

Василий Матвеевич Лихачев
(тов. „Власъ").
1907 г.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 59933
1-XI-1926
БИБЛИОТЕКА

В лице Василия Матвеевича Лихачева мы видим типичную фигуру старого профессионала-большевика, в течение почти четверти века неразрывно спаявшего свою жизнь с жизнью партии, с жизнью рабочих масс.

В. М. Лихачев, бесспорно, был не только типичным, но и одним из лучших представителей как подпольных профессионалов-партийцев, так и партработников революционного периода.

Личность В. М., которую он сам всегда оставлял в тени, как чрезмерно скромный человек, мы, при описании его жизни, оставлять в тени ни в какой степени не должны, ибо настоящее и будущее поколения пролетариата должны оценить по достоинству этого стойкого и пролетарски-честного борца рабочего класса.

Через все испытания — аресты, тюрьмы, ссылки, эмиграцию — он непоколебимо пронес свое имя коммуниста. Жизнь, полная лишений, сломила его физически, но духовно он остался цельным, стойким большевиком, твердо верящим в силы пролетариата, в его конечную победу.

Личность т. Лихачева, как исключительно богатая, красивая своим любовно-внимательным отношением к людям, могла бы служить прекрасным образом для беллетриста и художника.

В. М. умер 42 лет — в том возрасте, когда на Западе буржуазные политические работники считаются еще только созревшими для начала политической деятельности; и только ознакомившись с жизнью В. М., полною лишений, становится понятным, почему, несмотря на свой здоровый в общем, закаленный с детства организм, несмотря на жизнерадостность своего характера, он так скоро сгорел.

Тов. Лихачева знали многие товарищи: москвичи, волжане, уральцы, политэмигранты в Америке. Однако, каждый из

товарищей знал его только по отрывочным встречам, только в небольшой период, в котором сталкивался с ним на работе, в тюрьме, в ссылке, в эмиграции, ибо политическая жизнь подпольщика не давала долго заживаться на одном месте; она неминуемо гнала из города в город и только таким способом давала возможность работать между теми короткими промежутками, которые оставались от арестов, тюрем, ссылок.

Вот из кусочков воспоминаний этих товарищей в большинстве случаев и приходится составлять биографические очерки; поэтому, конечно, они выходят далеко недостаточны и несовершенны. Недостаточны они еще и потому, что главная масса рабочих, которой отдавал свои силы тов. Лихачев и ему подобные, молчит о них — многие из них не умеют писать, многие не знают, что тот „Лука", „Карась", „Влас" или „Трофим", который впервые пробудил их сознание, зажег их мысль, указал путь в жизни, и был тем самым товарищем Лихачевым, которого они лишились в 1924 году. Воспоминания этой массы были бы самыми значительными, самыми нужными для полной характеристики убывающих наших борцов.

Настоящий сборник составлен из двух частей. В I части помещен очерк жизни и деятельности т. „Власа", составленный по воспоминаниям хорошо знавших его товарищей, по его личным письмам, служебным докладам, архивным материалам и пр. Очерк разбит на следующие 5 разделов: 1) Детство и школьные годы. 2) Подпольная работа и тюрьма. 3) Ссылка. 4) Эмиграция. 5) Революция и Советский период. Эти разделы в свою очередь разбиты на отдельные главы по месту его работы и по годам. Вторая часть состоит из двух воспоминаний о тов. „Власе": рабочего Кузнецова и Г. Бушкова, из наиболее ярких статей т. „Власа", помещенных в американском социалистическом журнале „Новый Мир", характеризующих его, как писателя-журналиста.

Е. Леви.

1/V—1926 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Е. Леви

I

ДЕТСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

1872—1900 гг.

Родился В. М. Лихачев в 1882 году в небольшом городе Козьмо-Демьянске, Казанской губ., на берегу реки Волги. Отец его служил приказчиком у частного лесопромышленника, дед также работал по лесному делу. Таким образом, два поколения Лихачевых были лесовиками. Матвей Степанович, часто по делам службы отлучаясь из дому, брал иногда с собой осматривать леса маленького Васю, который чрезвычайно любил эти поездки. Близость реки и леса с детства развили в нем любовь к природе, сделали из него хорошего, отважного пловца, — „плавал как рыба", рассказывает его сестра О. М. Однажды [1]), купаясь со своим старшим товарищем по школе Самогиным, он задумал переплыть Волгу. На середине реки обессилел и стал тонуть. Подоспевший во-время Самогин едва сам не утонул, спасая его, с трудом доплыл с ним до берега, где они оба пролежали около часу без сознания. Этот случай, однако, не отучил Васю от дальних плаваний — он был бесстрашен и настойчив в своих достижениях, опасность не устрашала, а скорее привлекала его.

В. М. Лихачев в земледельческом училище

[1]) Из воспоминаний А. В. Самогина.

Семья Лихачевых была большая и очень дружная. Жили бедно, всегда нуждались. Дети почти всегда находились за частыми раз'ездами отца на попечении матери. Несмотря на то, что, как обычно бывало, отцы и дети не сходились во взглядах, Вася до конца своей жизни сохранил самое лучшее отношение к родителям, а позднее сумел незаметно для них самих переделать их на свой лад. К матери, больной пороком сердца, у него было особо трогательно-нежное отношение. Лучше всего оно сказывается в его совсем еще детском письме, которое так хорошо и характерно для 10-летнего Васи, что привожу его целиком. Письмо это написано им, когда он был во 2-м классе городского Козьмо-Демьяновского училища.

„Милая мамочка. Я опять остался, имея двойки по русскому, географии и химии. Мне, право, не везет; почему-то не любит меня учитель по русскому — в 1-м классе я остался из-за него и теперь тоже. Не обращайте внимания на насмешки Ш-х, если они будут; ведь они будут относиться ко мне, а не к вам, так чем же вы тут виноваты, что я такой неудачник. Вообще не горюйте, если мне придется выйти из училища, ведь свет не клином сошелся. Домой ехать я теперь не намерен, а возьму отпуск в город дня на 3—4, с'езжу к папаше и с ним поговорю. Так напишите мне адрес папаши поскорее. Домой приеду разве в конце июня.

Если жизнь тебя погубит, не печалься, не грусти".

На свободной трети согнутой почтовой странички письма, видимо, с целью подготовить больную мать, написано: Нерадостная весть.

В школе у Васи очень сильно проявлялось товарищеское чувство. За товарища он готов был броситься с кулаками на противника, который в три раза сильнее его. Его прямота, честность и добродушие привлекали к нему учеников и старших классов. Он был всегда скромен и чист, как ребенок. У него никогда не было поползновения выделиться чем-нибудь из среды товарищей. В школе товарищи прозвали его „Карасем-идеалистом", и это прозвище оставалось за ним все время пребывания в школе [1]). Позднее, в первые годы подпольной работы, партийная кличка его была также „Карась".

Вася рос здоровым, живым мальчуганом. Вечно в движении на воздухе зимой и летом, болел редко, серьезно был болен только один раз, лет 11 — скарлатиной. Читать научился раньше 8 лет. Любил читать, увлекался Жюль-Верном, Майн-Ридом и т. д. Фантазия у него была развита чрезмерно. Сказки-фантазии рассказывал великолепно. Товарищи его любили, как инициатора всяких забав и проказ: зимой — катанья

---

[1]) Из восп. А. В. Самогина.

с горы на санках, на коньках, летом — рыбной ловли, путешествий на лодке, к которым у него была особая страсть [1]).

С отцом у Васи установились с детства самые дружеские отношения — он любил его за бодрость, энергию, веселый, не унывающий нрав, который сам унаследовал от него. Отец ему был всегда ближе прочих членов семьи, несмотря на разницу в возрасте и в развитии. Так, позднее в письме к отцу из московской Таганской тюрьмы В. М. отмечает, что „в противоположность кислой молодежи лишь его короткие и редкие письма бодры и свежи, как будто бы они пропитались свежим смолистым воздухом уральских лесов". Из сибирской ссылки он пишет брату Грише, беспокоясь о здоровье матери: „Я не могу представить — лишиться кого-нибудь из родителей. У меня так долго и прочно сохраняется к ним привязанность". Перед от'ездом в Америку в письмах с дороги грустит, что, может быть, больше не увидит их в живых. И действительно, отец умер раньше, чем он смог к нему приехать.

До 14-летнего возраста Вася прочел всех русских классиков, читал газеты. Несмотря на крайне ограниченные средства, отец всегда выписывал для семьи журналы, которыми больше всех детей интересовался и зачитывался Вася.

В 1896 г., окончив городскую школу, он поступает в 1-й класс земледельческого училища в 7 верстах от Казани.

В Казани, как и повсюду в университетских городах, в то время лучшая часть учащейся молодежи группировалась в кружки самообразования, в которых вырабатывала мировоззрения, начиная обычно с изучения литературных произведений русских классиков, затем русских критиков и от них переходя к изучению социальных, экономических и политических вопросов современности. Кружки самообразования превращались обычно в кружки революционные, социалистические.

В один из таких кружков самообразования сразу же по приезде в Казань попадает и Вася, живя на частной квартире вместе с 10 учениками земледельческого училища, членами этого кружка.

Режим в земледельческой школе был суровый; требовалось обязательное посещение церкви, отношение школьного начальства было грубое. В письме к матери от 28 ноября 1896 г. Вася пишет, что боится спросить директора, за что ему убавили отметку за поведение: „пожалуй, не разберет в чем дело, закричит и прогонит из комнаты".

Такой режим, естественно, не вызывал в учениках особого тяготения к школе. Кроме того, ученики подвергались частым обыскам, которые об'яснялись боязнью начальства „крамолы", ибо к 1890 году земледельческое училище уже имело свое „революционное прошлое".

---

[1]) Из восп. сестры В. М. — О. М. Давидовой.

До 1895 г. когда, народническое течение еще не везде было вытеснено марксизмом, в Казанском земледельческом училище существовал народнический кружок, организованный из учеников и ставивший себе задачей подготовку своих членов к социалистической пропаганде в деревне. Кружок этот просуществовал до конца 1895 г.; члены его, на манер героев романа Чернышевского „Что делать", организовали даже кооперативную модную мастерскую.

В ночь на 22 декабря 1895 г. этот кружок был ликвидирован полицией одновременно с соц.-демократическим кружком Алафузовских рабочих, с которым были связаны отдельные члены кружка. Благодаря дневнику, найденному при обыске у одного из „земледельцев", не искушенного в конспирации, жандармерии удалось создать большое дело, к которому было привлечено 30 человек. Дело окончилось тюремными заключениями и ссылками под гласный надзор [1]).

Как отразился этот инцидент на молодежи земледельческого училища, можно видеть из того, что тайные кружки самообразования, несмотря на установленный после этого в школе солдатский режим, продолжали существовать. Летом во время каникул т. Лихачев привозит с собой домой революционные листки, которые под величайшим секретом раздает читать своим сестрам.

В 1900 г. т. Лихачев был исключен из земледельческого училища в числе других 10—15 учеников и уезжает в г. Пермь, куда в это время перебирается вся его семья. Вася еще делает попытку окончить земледельческое училище в г. Орше, Могилевской губ., но под предлогом слабого здоровья (медицинское освидетельствование нашло у него порок сердца) не был даже допущен до экзаменов [2]).

Таким образом, в 1900 году заканчивается школьный период жизни т. Лихачева. К ученью он уже больше не возвращается; его участь в этом отношении была та же, какая была и у большинства товарищей, рано вступавших на революционный путь — учился по книгам в тюрьмах и ссылке, а по выходе оттуда — в революционной борьбе.

---

[1]) Очерки истории Казанской с.-д. 1888—1916 гг. — С. Лившиц. „Пути революции", № 1, 1922 г.

[2]) По восп. О. М. Давидовой.

II

ПОДПОЛЬНАЯ РАБОТА И ТЮРЬМА

НА УРАЛЕ (Пермь и Уфа)

1901—1903 гг.

1901—1903 гг. В. М. работает на Урале—сначала в г. Перми, затем в г. Уфе под партийной кличкой „Карась". Урал был местом, где развернулась его революционная деятельность, где окончательно сформировалось и укрепилось его марксистское мировоззрение, где впервые он попал в тюрьму.

Пермская губерния еще до 80-х гг. служила одним из мест административной высылки политических работников. Этим об'ясняется раннее зарождение марксистских идей в Перми. В 1899 г. число марксистов было уже значительно. К приезду в Пермь тов. Лихачева главным очагом их пропаганды были Мотовилиха и Добрянский завод, Пермской губ.

Служа в Перми на лесных промыслах сначала чернорабочим, затем в качестве десятника и приказчика, „Карась" в то же время участвовал в пермском революционном кружке вместе с несколькими своими старыми товарищами из Казанского земледельческого училища. Кружок занимался подготовкой и и распространением прокламаций. „Карась" принимал также активное участие в борьбе с эс-эрами, которые одно время были сильны на Урале. В 1901 г. вытесненные с завода эсэры, желая удержать свои позиции в деревне, устраивают в Перми курсы народных учителей и приглашают на них для пропаганды своих лидеров—„бабушку" Брешко-Брешковскую и террориста-боевика Гершуни. Группе пермских марксистов, выступивших против них, удается отколоть часть учительства от народничества [1]).

Осенью 1901 г. „Карась" участвует в организации забастовки на Добрянском заводе. В связи с этим в первых

[1]) „Борьба за власть", изд. Пермского губистпарта 1923 г.

числах февраля 1902 г. у него был сделан обыск. Он жил на квартире вместе с двумя товарищами—Александром Павловичем Глушковым и Евгением Булатовым, рабочим с Сормовского завода, носившим кличку „Курилка". Несмотря на то, что находящаяся у них на квартире нелегальная литература не попала в руки полиции—все трое были арестованы и заключены в Пермскую губернскую тюрьму „под башню". Вот как описывает пребывание их там Ник. Фед. Авдеев[1]), прибывший в тюрьму немного позднее их и сидевший с ними долгое время вместе.

„Башня представляла из себя род флигеля в два этажа, по 6 одиночных камер в каждом. Как только за мной закрылась дверь одиночной квартиры и я стал осматриваться, нет ли где-нибудь азбуки для перестукивания, В. М., проходя мимо в уборную, которая была рядом с моей камерой, открыл „волчок" в моей двери и спросил, откуда я, где арестован и не нуждаюсь ли в чём. Он старался меня ободрить, рискуя за разговор попасть в карцер, и через несколько минут послал мне хлеба и курить. Я его спросил, можно ли здесь говорить без опаски быть подслушанным шпиками. Он ответил, что сидят здесь все свои и знают друг друга. Потом я уже освоился, и мы говорили через форточки у окон. Узнавали в лицо при посредстве двух зеркал, наводимых в окна друг на друга. Он сидел от меня через камеру. Вечером после поверки уголовные в своем корпусе пели молитвы, а у нас отойдет поверка—Карась с Курилкой начинают петь марсельезу, а затем и мы, выставляясь в форточки, присоединяемся к ним, а напротив тюрьмы собирается публика и слушает, как „политики" поют, и уголовные им вторят. За это нас стращали карцером и лишением свиданий".

„Карась" просидел в тюремной башне 6 месяцев, пока велось дознание. 30 июля 1902 г. он был выслан административным порядком в г. Уфу под особый надзор полиции[2]).

Все время своего пребывания в Уфе он принимает самое деятельное участие в местной революционной работе.

В Уфе в это время работал „Уральский союз социал-демократов и социал-революционеров", оформленный в Екатеринбурге в 1901 г. Существование этого союза двух непримиримых по своим идейным взглядам партий об'ясняется главным образом тем, что на Урале у рабочей массы, тесно связанной с землей, классовый инстинкт был недостаточно ярко выражен, и потому эс-эровская пропаганда находила в ней больший отклик, чем соц.-демократическая. Вместе с тем не было периферийных сильных работников среди уфимской социал-демократии, комитетчики же с.-д., наиболее теоретически подготовленные,

---

1) Рабочий—ныне работает на платиновых приисках в Н.-Тагиле.
2) Дело Перм. Жанд. Упр. № 9, 1902 г.

работали слишком обособленно, непосредственной работы на местах не вели и слабо руководили работой местных работников.

„Уральский союз" просуществовал до конца 1902 г. „Карась" своей работой в Уфе способствовал скорейшему распаду союза и возникновению самостоятельной соц.-дем. организации.

Работа носила там такой характер[1]): в Уфимском комитете, или, как тогда называли, революционном штабе союза, находилось несколько человек с.-д. и с.-р., строго законспирированных; они вели сношения с Центральной Россией, получали литературу и денежные средства. Вся же местная революционная работа велась кружком молодежи, близкой к крестьянской среде, знавшей городскую жизнь только по наслышке и в большинстве своем эс-эрствующей. Работа велась в железнодорожных мастерских и с рабочими местного завода, налаживалась постановка типографии, распространялась литература. С этой молодежью связался по своем приезде в Уфу „Карась", читал и обсуждал сообща с нею марксистскую и соц.-дем. литературу, и под влиянием этого мало-по-малу от эсерства молодежь стала переходить к марксизму. Только перед созывом II с'езда партии Уфимский комитет союза организовал в Перми кружок „Искры", в который вошли все 10 уфимских соц.-дем., в том числе и „Карась". Таким образом, Уфимский союз должен был бы прекратить свое существование, но он официально еще продолжал существовать. Учтя такое ненормальное положение дел, член к-та с.-д. Н. Н. Покровский вышел из комитета союза, организовал с „Карасем" и группой молодежи кружки рабочих на металлическом заводе Гухмана и в железнодорожных мастерских, где оба начали вести соц.-дем. пропаганду. Распропагандированные ими рабочие целиком присоединились к социал-демократам, отказавшись входить в старый союз. После этого был избран новый Уфимский комитет РСДРП, в который вошел и „Карась". Налаженная группой молодежи с участием „Карася" типография отпечатала и распространила по городу воззвания нового к-та. С тех пор Уральский союз перестает существовать, и эс-эры совершенно сходят со сцены. Деятельность же комитета РСДРП быстро растет, несмотря на трудное материальное положение, ибо денежные средства после разрыва с к-том союза остались у последнего. Типография с.-д. к-та, носившая кличку „Девочка", печатала, кроме листков, также и брошюры, которые распространялись через рабочих и на уральских заводах, и в Перми, и в Вятке, а позднее и в Самаре, когда Уфимская организация вошла в Уральскую областную организацию РСДРП с центром в Самаре. Прокламации 1903 г. „19 февраля" и первомайские были выпущены под одной редакцией—первые

[1]) Из восп. М. Покровской.

за подписью Уфимского и Самарского к-тов, вторые за подписью Уфимской областной организации.

После расстрела златоустинских рабочих 13 марта, Уфимским комитетом были напечатаны прокламации „Бойня в Златоусте“, и два члена комитета—„Карась“ и т. Мишенов (б. член II партс'езда под именем Махлина, Муравьева, а за границей известного, как рабочий Петухов) были командированы в Златоуст столковаться с рабочими о том, как организованно протестовать против этой бойни. В Златоусте они застали движение раздавленным, вожаков арестованными, добраться до рабочих им не удалось, и они вернулись в Уфу. В Уфе начались также обыски и аресты среди рабочих, усилилась слежка и за политическими ссыльными, искали уральскую типографию.

Были арестованы рабочие, расклеивавшие на улице прокламации [1]). В качестве свидетеля был опрошен рабочий сборного цеха уфимских железнодорожных мастерских Максим Михайлович Иванов, содержатель партийной конспиративной квартиры, которому доверяли, хотя он был беспартийным. Он „чистосердечно покаялся“, т.-е. все и всех, кого знал, выдал сначала по наружному описанию, а затем по пред'явленным ему фотографическим карточкам. В. М. Лихачев под кличкой „Андрей Петрович“, по его показаниям, с половины февраля 1903 г. вел лекции-беседы по политической экономии регулярно 2 раза в неделю с кружком рабочих, собиравшимся на конспиративной квартире. Всего провел он около 8 лекций; последняя была накануне ареста Лихачева—23 марта. Он приносил рабочим брошюры, а также листовки для расклейки и разброски в железнодорожных мастерских и по районам. Иванов выдал не только Лихачева, но и несколько человек из старого Уфимского комитета, существовавшего еще с 1901 г.—Дубинина, Малышева А. И., Тимина И. и др. В результате такого предательства Иванов был оставлен на свободе, а все преданные им заключены в Уфимскую тюрьму. „Карась“ был обыскан и арестован в ночь на 24 марта 1903 г. и привлечен к дознанию по обвинению в принадлежности к Уфимскому рабочему к-ту, в пропаганде среди рабочих, в составлении, отгектографировании и расклейке прокламаций „19 февраля“. Отобранный при обыске у Лихачева клочок бумаги с плохой отпечаткой гектографированного текста отправлен был для разбора в департамент полиции, „но выяснить содержание оного не представлялось возможным“, как гласит агентурная сводка. В данном случае несовершенство подпольного технического аппарата оказало услугу подпольщику.

В Уфимской тюрьме „Карась“ сидел до 10 мая 1903 г. 6 мая 1903 г. в Уфе был убит губернатор Богданович.

---

[1]) Дело Перм. Жанд. Упр. № 2—21, 1903 г.

Начались новые обыски и аресты. Уфимская тюрьма была переполнена, и „10 мая за недостатком свободных камер в Уфимской тюрьме обвиняемые Лихачев, Дубинин, Асеев, Мигунов и Пшеничнов были переведены в Самарскую тюрьму“ [1]).

В письме к матери от 5 мая 1903 г. из тюрьмы Лихачев просил прислать ему „Капитал“ Маркса, „На рубеже XIX века“ Дитятина, „Статьи по истории права“ В. Б., немецко-русский словарь, немецкую грамматику. 26 мая 1903 г. он утешает мать, огорченную его переводом из Уфимской тюрьмы в Самарскую, изречениями: „на людях и смерть красна“, „нет стада, где бы все овцы целы были“, „нет очага, где б не стоял опустевший стул“.

В САМАРЕ

1903—1904 гг.

В Самарской тюрьме т. „Карась“ сидел приблизительно до половины ноября 1903 г. Режим после златоустинской бойни в Самарской тюрьме сделался особо свирепым, но тем не менее связь между политическими быстро устанавливалась. В тюрьме несколько раз возникали бунты политических, которые стремились сорвать строгий тюремный режим путем голодовок и пр. Одну из таких голодовок, возникшую в связи с избиением одного товарища, основная группа во главе с „Карасем“ выдержала в продолжение семи суток [2]).

По освобождении из тюрьмы в конце 1903 года В. М. был отдан под особый надзор полиции в г. Самару. Дело его закончено было 26 декабря 1903 года и передано Казанскому окружному суду. В Уфимской и Самарской тюрьмах в общей сложности он просидел почти 2 года. Выйдя на волю, он перешел на нелегальное положение и с тех пор стал работать в партии, как подпольщик-профессионал.

В конце 1903 и в начале 1904 года в Самаре еще не было организационного разделения на большевиков и меньшевиков, и работа в Самарском комитете велась довольно дружно, но опытных работников, в виду арестов, было крайне мало, потому работа была слаба. Из-за частых арестов связи с рабочими были утеряны. „Карасю“ пришлось работать, как члену Самарского к-та и Восточного областного бюро РСДРП. Одно время он представлял едва ли не весь руководящий центр самарской организации. Требовалась большая напряженная энергия по восстановлению связей с рабочими в районах, по налаживанию пропагандистской и агитационной работы, по постановке техники. Кроме организаторской работы, „Карась“

---

[1]) Дело Самарск. Жанд. Управления № 14, 1905 г.
[2]) Из восп. т. Воеводина.

вел пропагандистские кружки среди учащейся молодежи, среди ремесленников. Ему же приходилось, как наиболее популярному агитатору среди рабочей массы, выступать и на открытых массовках, которые обычно устраивались на берегу Волги, хотя эти выступления были совсем не конспиративны, а „Карась", кстати сказать, отличался всегда, как хороший конспиратор. На свою внешность „Карась" не обращал никакого внимания и часто своим видом поражал товарищей, встречавшихся с ним в первый раз: он производил впечатление волжского босяка—до нельзя отрепанный, не то в туфлях, не то в опорках на босу ногу, но в то же время спокойный, уверенный, никогда не унывающий. „Карась никогда не думал о том, что он будет есть или где он будет спать следующую ночь; все его мысли были о том, как укрепить кружок хорошей молодежи в железнодорожном депо, найти связь с мельницей Эрлангера или с рабочими Жигулевского пивного завода, где администрация отличалась способностью духовно закабалять рабочих, создавая видимость патриархальных, отеческих отношений, а по существу проводя самую бесцеремонную эксплоатацию. Скоро из его пяти-шести „связей" с рабочими выросли сильные кружки, создалась крепкая и широкая пролетарская организация, охватившая все крупнейшие заводы, фабрики и мастерские Самары" [1]).

Время от времени он получал от матери посылки—горох, пшено, несколько рубах, пестрых деревенских косовороток. Тогда товарищи сразу все облекались в новые рубашки. После посещения какого-то спектакля в Народном доме рассказывали: „Куда ни посмотришь, везде Карасевы рубашки".

Его бодрость, его веселый смех, его вера в успех действовали заразительно.

Все, что можно и кого можно, он стремился утилизировать для дела. Он приспособил школу, помещавшуюся около Воскресенского базара, под типографию, где по вечерам набирали и печатали за неимением пресса ногой, производя „буханье". Это буханье беспокоило старух-богаделок, живших под школой. Благодаря их болтовне, за школой стали следить шпики, и через 1—$1^1/_2$ месяца пришлось спешно вывезти типографию на противоположный берег Волги, на хуторок. На другой день после вывозки типографии нагрянувшие в школу жандармы ушли ни с чем. А летом „Карась" с товарищами уже открыл типографию на берегу Волги в шалаше против дач. Самым трудным и нелюбимым делом для „Карася" было добывание денег для организации, но и на это он шел и умел извлекать на издательство литературы „катеньку" [2])

---

[1]) Из восп. т. Б. Позерн.

[2]) Сторублевая бумажка дореволюц. периода с изображением царицы Екатерины II.

у самых, казалось бы, неподатливых на такие дела прикамских богачей [1]).

24 февраля 1904 г. В. М. ускользнул из-под надзора самарской полиции и долго разыскивался ею по Казанской и Московской губерниям, пока 4 марта 1904 г. она не нашла его в Самаре же, откуда он „по тщательным проверкам" и не выезжал [2]).

1 мая на массовке, устроенной организацией за р. Самаркой, на так называемом Коровьем Острове, „Карась" выступал с большой речью, которая произвела по обыкновению сильное впечатление на слушателей [3]).

Нужно сказать, что В. М. никогда не отличался красноречием, но у него были другие весьма ценные способности агитатора —простота языка, искренность речи, юмор, помогающий самой неподготовленной аудитории не уставать слушать. Он умел своей речью захватывать внимание масс, привлекать их сердца. И в этом не было особого подхода, а всего только природное свойство его натуры художника. Рабочим нравились его простое пролетарское лицо, его искренняя манера говорить, его немного хриповатый басок и особый жест руки, ладонью вперед. „Так на ладони тебе все и выказывает, ничего не утаит" [4]),—говорили о нем рабочие.

Легко было т. Лихачеву подходить к массам еще и потому, что он знал жизнь масс не по их рассказам, а испытал ее сам, работая половину своей жизни простым чернорабочим и живя в равных материальных условиях с ними. В Самаре в одно время, как и во многих городах, среди рабочих царило противоинтеллигентское настроение. Лихачеву, который был крайне прост в обращении, легко было бороться с этими настроениями рабочих—в нем они всего меньше чувствовали интеллигента, всего больше „своего".

В конце 1904 г., когда от кружковой работы пришлось перейти к широкой массовой, В. М-у после частых выступлений на массовках, несмотря на все свои ухищрения в проведении за нос шпиков, пришлось во избежание того, чтобы опять не попасть к ним в лапы, уехать из Самары. По полицейским сведениям, которые не расходятся с другими имеющимися датами, он скрылся из Самары приблизительно 17 декабря 1904 г. Следовательно, на работе в Самаре был около года, и, по отзыву товарищей, знавших работу Самарской организации до и после Лихачева, организацию было не узнать — так она выросла и окрепла за этот сравнительно короткий срок.

---

1) Из воспоминаний тов. С. Миклашевской.
2) Архив Казан. Жанд. Упр., папка № 4, 1904 г.
3) Из восп. тов. Лепского.
4) Из восп. И. Ю. Кулик.

В КАЗАНИ

1905 г.

В Казань т. Лихачев прибыл приблизительно в феврале 1905 г. в качестве агента Восточного бюро ЦК партии. С 1-го марта, после от'езда „Николая“ (И. Коновалова), он под кличкой „Петруха“ занял место ответственного организатора Казанского комитета РСДРП большевиков, что соответствовало тогда месту нынешнего секретаря к-та партии. В Казанский комитет в одно время с ним входили: тт. С. А. Дридзо (он же Лозовский и „Алексей“), ответственный пропагандист В. В. Адоратский, И. А. Саммер („Борода“), зав. финансами Н. И. Дамперов (б-к), организатор военной группы—Калмыков „Василий“ и др. [1]).

1905 год в Казани был годом начала пробуждения казанских рабочих. До этого уровень их политического развития был очень низок, что об'ясняется близостью деревень и наплывом в город темной крестьянской массы, долго не порывавшей с деревенской жизнью. Экономическая борьба рабочих в Казани начала разгораться только после 9-го января; вплоть до апреля следовал один за другим ряд стачек, при чем требования рабочих были исключительно экономические. Даже июльская стачка (9/VII) носила все еще чисто экономический характер, а серая, отсталая крестьянская масса на самом большом заводе в Казани—Алафузовском сыграла в ней роль штрейхбрехеров, отказавшись бастовать.

Эти условия создавали большие трудности в работе Казанского к-та. Главная база большевистской работы была на Алафузовском заводе; велась работа также среди татар, которые составляли около 20% всего населения города, и среди крестьян и солдат. При к-те была организована военная организация. Издавались специальные листки к крестьянам и солдатам („Памятки солдат“) [2]).

В Казани „Петруха“ пробыл весну и лето. При нем произошел запоздавший раскол Казанской организации на большевиков и меньшевиков. Перед III с'ездом для выяснения вопроса о расколе был командирован в Казань агент ЦК Петр Гермогенович Смидович, но и после его от'езда позиция оставалась еще невыясненной. На III с'езд (апрель — май 1905 г.) от Казанской организации был делегирован член к-та И. А. Саммер. После его возвращения и доклада (уже как члена ЦК) позиция фракций определилась резче. На узких собраниях партийцев велись дебаты между большевиками и

---

[1]) Из интервью с В. М. Лихачевым С. Лившица 20/VII—1923 г.

[2]) О Казанской орг-ции, ст. С. Лившица в „Пролет. Рев.“ № 2 (14) 1923 г.

меньшевиками по самым существенным вопросам расхождения—о вооруженном восстании, об участии во Временном правительстве. Только в июне из комитета выделилась группа меньшевиков, организовавшая „Казанскую группу РСДРП". Отколовшиеся меньшевики работали главным образом в городском районе [1]). Начиная с 18-го апреля (1 мая по н/с.), т.-е. до раскола, в Казани устраивался отдельно большевиками и меньшевиками ряд рабочих массовок с участием учащейся молодежи и солдат. Эс-эры массовки совсем не устраивали. Самое большое количество собиравшихся было у большевиков—оно иногда доходило до 300 человек, тогда как меньшевикам удавалось собирать не больше 50 человек. Выступали на текущие темы: Булыгинская Дума, война, Потемкинские события, убийство Сергея Александровича и пр.

У Казанского к-та специальной агитационной группы не было; его пяти-шести агитаторам, среди которых были тт. Лозовский „Алексей", Лихачев „Петруха" и с лета приехавший в Казань Я. М. Свердлов „Андрей", приходилось, что называется, разрываться на части. Устраивали цеховые собрания с целью профессионального об'единения рабочих. Велась работа среди приказчиков, среди учащейся молодежи.

Будучи ответственным организатором к-та, „Петруха" вел и пропагандистскую работу в городе, а в Алафузовском районе он был одновременно и организатором, и пропагандистом, и агитатором. В его пропагандистском кружке участвовали также и татары, которые поддавались революционной агитации. Интересно отметить в ряде воспоминаний товарищей о В. М. Лихачеве, что те из них, которые знали его, как организатора, находят, что он был им главным образом по своей натуре, а те, которые знали его, как агитатора или как пропагандиста, находят тоже самое относительно этих двух категорий партийной работы. Такая энциклопедичность в работе подпольщиков-профессионалов развивалась по необходимости благодаря частым арестам, заставлявшим нередко одного-двух уцелевших в партийном к-те товарищей заменять на работе всех остальных.

1 мая (ст. ст.) была организована комитетом оригинальная демонстрация на лодках на реке Казанке с революционными флагами, песнями, криками „долой самодержавие"; встречным пароходам и лодкам передавалась первомайская литература. Зрелище этой речной демонстрации было необычайное и произвело огромное впечатление на казанцев. Демонстрация окончилась благополучно, ибо неожидавшие ее на реке полиция и казаки прибыли уже тогда, когда все участники разошлись. „Карась" выступал на этой массовке с речью об Учредительном собрании. Менее благополучно окончилась организованная

---

[1]) Из интервью с В. М. Лихачевым С. Лившица 20/VII—1922 г.

комитетом 14 августа большая массовка за Казанкой. Начальство решило „принять меры". В 11 часов вечера уже неожидавшие нападения, собравшиеся были разогнаны взводом уральских казаков, которые пускали в ход нагайки, от которых многие бросались в воду, но значительно, однако, никто не пострадал. На этой массовке был и „Петруха", также счастливо спасшийся от избиения и ареста.

Казанскому комитету приходилось особо много уделять внимания политической агитации и пропаганде не только устной, но и печатной. Эта последняя была им поставлена блестяще. При „Петрухе" ставилась большая типография Казанского к-та, для которой выписаны были из Самары техники. Вал для этой типографии сделали сами в Казани, и весной типография уже широко развернула свою работу. За первую половину 1905 года общее количество изданий прокламаций увеличилось в семь раз, некоторые прокламации переводились на татарский язык, много было выпущено брошюр и гектографированных изданий. Товарищи, одновременно работавшие с „Карасем", ценили его, как очень добросовестного, преданного своему делу и в высшей степени основательного работника. На ряду с его скромностью, нелюбовью выставлять себя вперед, они отмечали в нем глубокопостоянный энтузиазм в партийной работе [1]). На это последнее свойство, как на очень ценное, редкое и необходимое в работе, указывал и Владимир Ильич; оно было основной чертой Василия Матвеевича. Насколько „Петруха" забывал себя на работе, можно судить по следующему: летом он, совсем измученный и больной, явно нуждался в отдыхе. Тем не менее, когда вспыхнула стачка алафузовцев и на собрании комитета встал вопрос о том, кому руководить ею, ибо все работники до крайности были переутомлены, „Петруха" решительно заявил, что будет продолжать работу.

Жизнь профессионалов-подпольщиков в то время была крайне тяжелая: у организации денег не было, заниматься посторонней работой профессионалы не имели времени и потому перебивались с хлеба на воду. Лихачев же вследствие своей чрезвычайной скромности стеснялся пользоваться партийными средствами даже и тогда, когда они имелись у партии. Ему приходилось буквально голодать и, не имея на трамвай денег, делать 2 раза в день по 8 верст пешком без обуви. Не удивительно, что внешне здоровый, в сущности, уже тогда организм его был крайне истощен.

В течение своего пребывания в Казани „Петруха" 2 раза уезжал: в первый раз в Москву на предполагавшийся „экс" [2]) артельщика жел. дороги близ Москвы. Один из организаторов этого „экса", уфимский рабочий С. Гарденин „Сергей",

---

[1]) Из воспоминаний тт. Адоратского и Накарякова.
[2]) „Экс"—экспроприация.

сговорился с ним, когда был проездом в Казани, а затем вызвал его телеграммой, но так как участников этого предприятия было чересчур много и потому удача его была весьма сомнительна, то от него отказались, и тов. Лихачев вернулся в Казань. Во второй раз его вызывал ЦК партии в Петербург [1]).

Чем ближе время подходило к октябрю 1905 г., тем больше накалялась революционная атмосфера в г. Казани. Старым работникам опасно стало оставаться на виду, и „Петрухе" пришлось перед октябрьским манифестом уехать.

В НИКОЛАЕВЕ

1905 г.

Из Казани т. Лихачев был переброшен ЦК в г. Николаев в качестве ответственного организатора Николаевского парткома. Николаевская организация была разрушена только-что перед этим случившимся массовым провалом партработников. Для восстановления работы требовались, кроме большой энергии и уменья хорошо ориентироваться в новой обстановке и в людях, еще и чрезвычайная осторожность и конспиративность в работе. Тов. Лихачеву скоро удалось восстановить в Николаеве работу.

По конспиративным соображениям ему часто приходилось менять свое партийное имя: „Вениамин", „Онуфрий Онуфриевич", „Трофим". Его чисто пролетарская простота в обращении с товарищами, чутье, сердечность и вместе с тем чрезвычайная сдержанность и осторожность революционера-подпольщика снискали и здесь общую любовь и глубокое уважение всех сталкивавшихся с ним по работе и в жизни. Он провел в Николаеве кошмарные дни еврейского погрома после октябрьского манифеста 1905 г. Никогда до того не живший в черте еврейской оседлости, он тяжело переживал этот погром и вместе с тем был неутомим на работе, не знал в те дни ни минуты покоя в буквальном смысле этого слова—с собрания на совещание, с летучки на массовку, из одной части города в другую. Он агитирует, организует, инструктирует, непосредственно направляет работу. Там, где организация возникала стихийно, как, напр., организация боевых дружин по охране города, он стремился ввести эту стихию в организационное русло.

Организацией были выпущены антипогромные листки, масса которых была распространена по городу. Тогда начались в городе повальные обыски и аресты. Товарищи старались сохранить от полиции самого ценного работника—т. „Трофима": он был укрыт в квартире т. Кунельской, а затем у одного

[1]) Из интервью с В. М. Лихачевым С. Лившица 20/VII—1922 г.

сочувствующего партии. После того, как преследовательский пыл николаевской жандармерии немного улегся, т. Лихачев, загримировавшись до неузнаваемости, уехал из Николаева. Это было в конце декабря 1905 г.[1])

ОПЯТЬ НА УРАЛЕ

(Нижний-Тагил)

1906 г.

Из Николаева В. М. уехал в г. Пермь. Там пробыл недолго, не более месяца, и на работе не остался, ибо был слишком хорошо знаком местной полиции по старой еще работе; в мае 1905 г. он разыскивался пермской полицией в связи с беспорядками, возникшими там 14 мая 1905 г.[2])

Из Перми т. Лихачев поехал в Екатеринбург, откуда был направлен Екатеринбургским Губкомом на работу в Нижне-Тагилский завод.

В Н.-Тагил В. М. приехал приблизительно около 20 февраля 1906 г. В то время, как в Москве и Петербурге революция уже шла на убыль, до Урала революционная волна еще только докатилась; лозунг „вооруженное восстание" был чрезвычайно популярен, и рабочие готовились к вновь ожидавшимся решительным боям. На уральских заводах в то время почти полностью сохранилось так называемое „поссессионное право"[3]), благодаря которому уральские рабочие, прикрепленные небольшими клочками земли с домишками к заводу, находились в полукрепостной зависимости от своих предпринимателей. Это создавало особые трудности в политической работе среди масс. В одном из писем из Н.-Тагила от 22/II, т.-е. спустя 2—3 дня по приезде, В. М. пишет: „Здесь впервые приходится наблюдать Урал и его особенности: поссессионные отношения, горные работы и т. д., интересно! Сила большая, но еще спит... Будем будить и разбудим. Много энергии, много молодых свежих сил и неистощимый запас уверенности в необходимости работы сделают свое дело!"

В Н.-Тагиле существовала на ряду с большевистской организацией и меньшевистская. Однако, последняя не имела успеха в рабочей среде, она об'единяла главным образом учащуюся молодежь и мелкобуржуазного обывателя. Главным пунктом расхождения с меньшевиками в то время был вопрос о подготовке к вооруженному восстанию, которую они отрицали, а мы считали необходимым не только вести пропаганду

---

[1]) Из воспоминаний Ю. Кунельской.

[2]) Дело М. О. О. № 14—1905 г.

[3]) Так называлось право, данное царем Петром I фабрикантам, прикреплять крепостных крестьян с землей к своим фабрикам.

вооруженного восстания, но и технически подготовлять его, запасаться оружием, обучаться стрельбе, доставать взрывчатые вещества и т. д. Уральские рабочие по данному вопросу были на стороне большевиков.

Т. Лихачев под именем „Власа“ был введен местной тагилской большевистской организацией в партийный комитет в качестве организатора. В Тагилском комитете в то время работал незадолго до него приехавший т. Канатчиков в качестве пропагандиста, подавляющее же большинство комитета было из местных тагилских рабочих весьма солидного возраста, но несмотря на это чрезвычайно революционно настроенных.

Местные обыватели все знали друг друга в лицо, и поэтому появление всякого нового человека обращало внимание, вызывая любопытство или подозрение. Вскоре по приезде „Влас“ поселился вместе с т. Канатчиковым на окраине далеко разбросанного Н.-Тагила, в доме одной вдовы. Во дворе этого дома была небольшая избушка, в которой в течение трех лет никто не жил из-за плохой славы: в ней было последовательно один за другим два удавленника, и суеверные хозяева боялись жить в ней. В эту избушку почти никто не заглядывал, и потому-то она и была очень удобна для жилья подпольщиков-профессионалов. Имея постоянное пристанище, освобожденные от ежедневных поисков ночевок, оба товарища смогли шире развернуть свою работу и общими усилиями создали в течение короткого времени довольно большую и прочную организацию в Тагиле. В марте 1906 г. для подготовки к IV Партс'езду ими была созвана конференция из наиболее активных рабочих, членов партии: на с'езд был делегирован т. Канатчиков.

После от'езда т. Канатчикова, вскоре после конференции, „Влас“ с группой рабочих-боевиков организовал экспроприацию динамита и других взрывчатых веществ на одном из местных тагилских рудников. „Экс“ вышел очень удачным. Добыли достаточное количество взрывчатых веществ и все бесследно скрылись. Эта смелая экспроприация тотчас же поставила на ноги всю местную полицию—начались массовые аресты. Поэтому участникам „экса“ дольше оставаться было рискованно, и т. „Влас“ уехал из Тагила в Москву[1]).

В МОСКВЕ

1906 г.

В Москву т. „Влас“ прибыл в апреле 1906 г. Наша подпольная организация строилась тогда на основе демократического централизма. Это сказывалось и в выборах, вместо прежних назначений, районных ответственных работников

[1]) Из воспоминаний С. И. Канатчикова.

(организаторов), и в привлечении в состав райкома рабочих—представителей от значительных фабрик и заводов. „Влас“ был избран московской городской конференцией в комитет Сокольнического района, а этим последним—ответственным организатором района. Сокольнический район был тогда уже крепок, насчитывая от 800 до 1000 членов партии. В него входили бывш. ф-ки Динга, Эрлангера и Муси.

На многих заводах было довольно большое количество большевиков,—на заводские собрания собиралось до 200 членов партии. На одной резиновой м-ре „Богатырь“ была ячейка более чем из 80 членов партии, крепко связанных с комитетом и регулярно вносивших членские взносы.

Но тогда еще была налицо борьба меньшевиков с большевиками, и первых было еще значительное количество. Поэтому требовались в работе большая осторожность и чуткость[1]). Г. Голенко вспоминает „Власа“ в теплый летний вечер 1906 г. над речкой на склоне горы в Лосином Острове, где он сидит вместе с товарищами в ожидании массовки и ведет дискуссию с меньшевиками „не горячась, спокойно, с тонкой дипломатией“. Центром сокольнической работы считался Лосиный Остров. Как общие, так и заводские собрания обычно собирались в сокольническом лесу под громадной развесистой елью, находящейся недалеко от Богородска по направлению к железнодорожной станции. Тень этой громадной ели 2 года укрывала работу Сокольнического района.

Очень характерна черта „Власа“, как ответственного работника, входить во всякую деталь работы, которая на первый взгляд казалась мелочной, а на практике имела громадное значение. Он хорошо знал все места большого сокольнического леса, знал, где нужно положить литературу, записку и т. д., чтобы самый зоркий полицейский глаз не смог ее найти. Благодаря хорошей организации район долгое время не только сам мог пользоваться этим лесом, но и гостеприимно отдавать его на пользование МК под обще-городские конференции и пр.

После 1905 г. у рабочих явилось желание самим учиться, появилась актуальная необходимость в новых пропагандистах. „Влас“ налаживает пропагандистские кружки, привлекая к работе группу гимназистов, из которых впоследствии выходят для целого ряда районов хорошие пропагандисты; в числе их были тт. Бухарин, Сокольников, Смирнов, Кизельштейн и др. Эти кружки также собирались летом в лесу.

В 1906 г., несмотря на поражение вооруженного восстания, Москва усиленно готовилась к новому восстанию; большевики стремились исправить все организационные недочеты, сказавшиеся в вооруженном восстании 1905 г.—вновь организовывались

---

[1]) Из стенографического отчета В. М. Лихачева на собрании 24/XI—1923 г., посвящ. 30-летию Московской организации.

военная организация, боевые организации по районам, рабочие обучались владеть оружием, изготовлялись бомбы и пр. и т. п. Во всей этой работе т. „Влас“ принимал самое деятельное участие не только как руководитель, но и как непосредственный участник: он вместе с товарищами ездит в Царицыно и др. подмосковные местности учиться стрельбе и пр. В половине июля 1906 г. в письме к сестре Зое он пишет об ожидаемых крупных событиях в Москве, о баррикадных боях.

В кампании перед выборами в 1-ю Государственную Думу район принимал самое деятельное участие,—велась борьба с меньшевиками, распространялись и расклеивались листовки.

В начале осени 1906 г. т. „Влас“ был на время откомандирован партией в Казань для восстановления там разрушенной арестами соц.-демократической организации.

ОПЯТЬ В КАЗАНИ

1906 г.

Бомба, брошенная в 1906 г. в казанского вице-губернатора Кобеко, подняла на ноги всю казанскую полицию—начались репрессии и аресты; в связи с этим последовал большой провал соц.-дем. организации.

Командированный после этого в Казань т. Лихачев с осени 1906 г. стал работать во главе Казанского партийного комитета в качестве ответственного организатора под кличкой „Лука“.

В это время должен был состояться в г. Чистополе крестьянский с'езд. С крестьянской работой в Казани „Лука“ был знаком еще с 1905 г., раз'езжая по уездам Казанской губ. от особого бюро при Казанском к-те, руководившего тогда работой в провинции [1]). В Чистополе и Козьмо-Демьянске имелись соц.-демократические группы крестьян, санкционированных Казанским к-том осенью 1905 г. [2]). На крестьянском с'езде в Чистополе в 1906 г. преобладали соц.-демократы. С'езд прошел под руководством „Луки“.

В Казани, как и всюду, где работал т. Лихачев, его окружала молодежь. Молодежь всегда особенно льнула к нему; своими беседами он будил в ней громадный интерес и любопытство к партийной работе. У „Луки“ было чрезвычайно внимательное отношение к товарищам по работе, проявлявшееся особенно при назначении их на новую работу, при инструктировании и пр. [3]).

---

[1]) Из воспоминаний т. Адоратского.
[2]) „Окт. Револ.“ № 2 (14)—1923 г.
[3]) Из воспоминаний С. Бакинского.

В Казани т. Лихачев женился на Надежде Митрофановне Стопани, от которой имел дочь Христину. Брак этот продолжался недолго. Тюрьма, а затем ссылка в Сибирь разлучили его с семьей. Дочь свою Христину он нежно любил. Об этом свидетельствует ряд его писем с постоянными расспросами о ней, где бы он ни жил—и из тюрьмы, и из ссылки, и из эмиграции. Интересуясь ее жизнью, он переписывался с ее матерью, и когда временами не знал их адреса, просил родных узнать и написать ему, где она, что с ней. Увидаться с дочерью он смог только незадолго до своей смерти, когда она уже взрослой, 18-летней девушкой приехала к нему в Москву.

Проработав несколько месяцев в Казани, той же осенью 1906 г. „Лука" снова был откомандирован партией в Москву.

ОПЯТЬ В МОСКВЕ

1906—1908 гг.

В Москве т. Лихачев под старой московской кличкой „Власа" продолжает работать в Сокольническом районе с тов. Сокольниковым, бывшим в то время ответственным организатором района и получившим с тех пор кличку этого района.

Начало 1907 года отмечается в Москве, как и в других промышленных центрах России, наступлением политической реакции и экономической депрессии; стачечное движение уменьшается. Участившиеся аресты затрудняют работу, зимние холода загоняют партийные собрания в квартиры, где опасность попасться полиции усиливается. Тем не менее полулегальная работа в Сокольниках на ряду с подпольной не прекращается—производятся выборы на V Лондонский с'езд партии; в школе на Ивановской улице регулярно собирается районный комитет; целый ряд интеллигенции помогает работе большевиков.

С половины 1907 г. картина меняется—из партии начинается бегство интеллигенции и менее устойчивых рабочих. Остается на работе Сокольнического района маленькая группа во главе с самым устойчивым, самым упорным, твердокаменным большевиком „Власом". Партия совсем загоняется в подполье: собираются в подвале у лавочника человек до 30 со свечой. „Обидно было после 1905—6 гг. влезать снова в подпольные рамки".

Реакция все растет, репрессии увеличиваются, группа работников тает, скоро и от нее остается небольшая кучка рабочих с одними партийцами-профессионалами. Стачки еще кое-где время от времени вспыхивают, но в большинстве случаев кончаются неудачно, профессиональное рабочее движение также загоняется в подполье—профсоюзы преследуются полицией. Тем не менее в день разгона Гос. Думы 3 июня 1907 г.

партийная организация еще настолько была сильна, что без постановления общегородской конференции сама вызвала на забастовку 200 тысяч рабочих. Зато после суда над думскими депутатами никакая агитация не помогла—боевое настроение спадало, забастовка протеста не превышала и 50 тысяч [1]).

Живя на жалованье профессионала, которое выдавалось по мере накопления и в неопределенные сроки, „Влас" частенько голодал, но вид у него всегда был бодрый [2]). Сергей Бакинский, весной 1907 г. проездом навестивший его в Москве, описывает его убогую, почти без мебели, комнату в Калančевском тупичке, их затянувшуюся на всю короткую весеннюю ночь беседу, в которой „Влас" со свойственным ему юношеским увлечением делился с товарищем своими широкими организационными планами постановки работы среди московского пролетариата.

С. И. Канатчиков, около полугода встречавшийся с В. М. на московской подпольной работе, характеризует его следующими словами: „Часто приходилось встречаться с тов. „Власом" на работе, и всегда я видел в нем убежденного, стойкого и преданного партии большевика. Он всегда умел группировать вокруг себя людей и умел заставлять их работать, воодушевляя и захватывая своей энергией".

12 сентября 1907 г. „Влас" был задержан полицией в Москве по обвинению в участии в МК [3]). Продержали его тогда в тюрьме 1 месяц. 12 октября 1907 г. он был выпущен, в виду отсутствия улик, без всяких последствий. После ареста „Влас" возвратился к работе в Москве в качестве организатора Лефортовского района, а позднее, незадолго до своего второго ареста уже в 1908 г.—Бутырского района. На Благушу в Лефортовский район „Влас" прислан был партией ответственным организатором после одного большого провала Московской организации в то время, когда условия работы были особо тяжелыми—усиленная слежка шпиков, проникновение в партию провокаторов, бегство из партии неустойчивых товарищей, исчезновение вокруг партии сочувствующих, отсутствие у партии финансовых средств. Связи с фабриками и заводами в районе отсутствовали. „Власом" были вскоре налажены связи почти на всех фабриках и заводах района—Покровки, Лефортова и Благуши, организованы политические кружки низшего типа, на которых работу вел он сам, организована школа грамоты на пуговичной фабрике (ныне имени тов. Балакирева), где под видом учебы производилась партийная работа „Власа" совместно с одним из наиболее активных и сознательных рабочих—т. Балакиревым. Так как никто из обывателей не

[1]) Из отчета В. М. на собр., посвящен. 30-летию Моск. организации 24/XI—1923 г.

[2]) Из воспоминаний Г. Голенко.

[3]) Дело М. О. О. № 217—1904 г.

соглашался давать свои квартиры под собрания, зимой на Благуше собирались в подвалах, где-нибудь в глуши за Семеновской заставой, а заводские собрания проводились в котлах на фабриках. Летом собрания проводились в лесах Измайловского Зверинца и в Сокольниках, так хорошо знакомых „Власу". „Влас" и в этом районе был общим любимцем всех рабочих [1]).

В это тяжелое время он жил без квартиры, ночуя по очереди у рабочих, без денег, голодая. В том же 1908 году он перешел ответственным организатором в Бутырский район. Работал он там недолго. Организация, как и повсюду в это время в Москве, в Бутырском районе была слаба. Собрания районного к-та не насчитывали и 20 человек. На межрайонных конференциях собиралось не больше одной сотни. Сознательные рабочие с.-д. и близкие к ним, за исключением особенно преданных, энергичных и вновь выдвигающихся, проявляли инертность. Работа сильно сузилась по сравнению с 1905 г., и это многих расхолаживало.

Несмотря на такое общее настроение, основная группа работников района под руководством уравновешенного, спокойного и неизменно уверенного в преодолении всех трудностей т. „Власа" велась твердо. На этой работе „Влас" проявлял особенное умение втягивать в партийную работу рабочих, указывая им правильный путь для их развития в непосредственном проявлении своей активности на работе [2]). В 1908 же году „Влас" одно время работал секретарем МК. Он отмечает, что тогда, в отличие от времени революционного под'ема, в партии работа велась главным образом рабочей молодежью, а не стариками. Происходило это потому, что благодаря репрессиям и со стороны полиции и со стороны капиталистов семейный рабочий рисковал, лишившись работы, остаться с семьей голодать. Партия учитывала это и „только в момент чрезвычайной трудности прибегала к такому товарищу. Целый ряд таких товарищей из рабочих были полулегальными нашими друзьями, поддерживая связь с организацией". Московский комитет в пропагандистской и агитаторской работе опирался на Сокольнический трамвайный парк, где был ряд нелегальных работников, работавших в качестве слесарей, токарей и т. д. [3]).

Товарищи, оставшиеся активными работниками в неимоверно трудные реакционные годы 1907—1908, несомненно, были сильны и закалены духом, несомненно, они явились теми звеньями в партии, которые помогли ей не распасться, и своей работой среди пролетариата послужили подготовкой Октябрьской революции 1917 года. Среди них тов. „Влас" был одним из наиболее стойких.

---

[1]) Из восп. С. Капраловой.

[2]) Из восп. тов. Полидорова.

[3]) Из отчета В. М. на собрании, посвящен. 30-летию Московской организации 24/XI—1923 г.

В ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

1908—1910 г.

В 1908 году „Влас“, будучи секретарем МК, был избран Московской организацией делегатом на общерусскую конференцию, состоявшуюся в Париже, но его участию в ней помешал арест, на много лет оторвавший его вообще от ра-

Тов. Влас (Лихачев)

боты в России. Причиной его ареста, а также одновременно ареста многих членов Московской организации был „Никифор“, избранный после „Власа“ секретарем МК и оказавшийся вскоре же провокатором. Из дела арестованных Московская охранка создала впоследствии процесс 33-х, судившихся окружным Московским судом 25 октября 1910 года.

Перед самым отъездом на конференцию, 27 ноября 1908 г., „Влас“ был задержан в Москве на улице вместе с А. С. Бубновым („Химиком“)—вторым делегатом от Москвы на Парижскую

конференцию [1]). Оба были сначала отведены в Мещанскую часть, затем переведены в Басманную, где помещались в комнате с уголовными. Перед Рождеством вместе с сидевшими в той же части тт. А. И. Рыковым, Н. Сапожковым, Филипповым и другими членами Московской организации они сговорились бежать. На Рождестве обычно приводилось в часть много пьяных, и побег мог пройти незамеченным. В этом обещал способствовать им городовой, сочувствовавший политическим, как бывший рабочий Обуховского завода. Он должен был доставить им для побега тулупы. Однако, так хорошо задуманный побег осуществить не удалось: как раз перед Рождеством все они были переведены в Таганскую тюрьму в одиночные камеры. „Влас" занимал камеру № 292 [2]). В Таганке, где пришлось прожить ему более 2-х лет, как подследственному, жизнь политических заключенных протекала своеобразно; эту жизнь В. М. описывает в письмах из тюрьмы к родным и друзьям. Все письма, часть которых здесь цитируется, проходили через прокурорскую цензуру; поэтому вполне понятен их зачастую эзоповский [3]) язык.

21 января 1909 г. В. М. со свойственным ему юмором пишет родителям: „Московская губернская тюрьма—это целый городок с разнообразным населением. Сижу в одиночке, похожей на монашескую келью. Тишина, скромная пища (по средам и пятницам горох), размышление о суетности мира, о величии природы, о сущности вещей и многое из того, что волновало великие умы первых веков христианства... Не соответствует ли все это глубоко религиозным идеалам папаши? То, что не удавалось осуществить отцу, не осуществляется ли до некоторой степени сыном?"

28/II. „Мало-по-малу привыкаю к тюремной жизни и через полгода обращусь в типичного тюремного жителя. Некоторые сидящие более 2-х лет уже мало ощущают всей пустоты и ненормальности тюремного прозябания. Живут изо дня в день. Процесс приспособления происходит постепенно и незаметно. „Постепенным, медленным снижением или повышением температуры удается сварить лягушку или заморозить без малейшего видимого протеста с ее стороны" (Гердинг, из очерка психологии). Точно так же происходит и с нами: незаметно для себя мы превращаемся в апатичных тюремных аборигенов" [4]).

Эта, так хорошо подмеченная В. М. с первых же дней заключения, опасность тюремной жизни заставляет его пустить в ход все средства, возможные в тюремной обстановке, как противоядие этой разлагающей „привычке". На протяжении

---

[1]) Из восп. т. Попова.
[2]) Из восп. т. Филиппова.
[3]) Слово происходит от древне-греческого баснописца Эзопа.
[4]) Так назывались у древних римлян первобытные коренные жители страны.

2-х лет тюрьмы протесты, отказ от пищи, голодовки возникали в тюрьме даже зачастую и без „особых“ к тому причин, лишь бы нарушить серую монотонность тюрьмы, закричать, застучать, чтобы встряхнуться и напомнить о себе другим. В этих „голодных бунтах“ всегда участвовал т. Лихачев, как наиболее упорный и стойкий.

В тюрьме находились все разновидности революционеров—большевики, меньшевики, эс-эры. При деятельном участии т. Лихачева большевики организовались во фракцию. Дискуссии между большевиками, меньшевиками и эс-эрами велись обычно по „клубным дням“, т.-е. по субботам, когда политических водили в баню. Споры между ними происходили там самые ожесточенные и доходили иногда до курьезов. Так, один раз эс-эр так увлекся, что чуть не ушел из бани с намыленной головой, спохватившись только тогда, когда его уже повели из бани. Организация в тюрьме фракции послужила новым обвинением на суде 33-х. В тюрьме издавался политическими журнал, в котором дебатировались вопросы о „богостроительстве“, отзовизме и пр. В. М. в журнале принимал самое деятельное участие—писал сам и привлекал к участию в журнале рабочих. Помимо теоретических статей, В. М. писал художественные статьи, по преимуществу описание путешествий, природы и эпизоды из бродячей жизни. Так, он написал рассказ: „Три путешествия с котомкой за плечами“; к сожалению, этот рассказ не сохранился.

Все время своего пребывания в тюрьме В. М. поддерживал связь с партией, доставал для тюрьмы партийную литературу, сам прочел массу книг, занимался статистикой. Среди заключенных товарищей В. М., как и на воле, никогда не выдвигал себя вперед, но товарищи сами его неизменно выдвигали для переговоров с администрацией и прочих общих тюремных дел. Своим спокойствием и выдержкой он выгодно выделялся среди „горячих голов“ заключенных. Все, кто встречался с В. М. в тюрьме, особенно молодежь, с глубокой благодарностью вспоминают большое участие и внимание, с которыми он встречал вновь прибывавших и после которых „даже тюрьма становилась не так мрачна, как она казалась на первый взгляд“. Еще одну весьма редкую черту характера отмечают товарищи у В. М.—его незлобивость по отношению к людям: он не изменял своих хороших отношений даже с теми, кто почему-либо начинал относиться к нему отрицательно [1]).

Чтобы предохранить себя от заболеваний, вызывавшихся тюрьмой, В. М. занимался своеобразной гимнастикой—натирал пол своей камеры воском „до остервенения“, так что „пот градом катился“. Но и это средство не помогало—у него

---

[1]) Из восп. т. Филиппова.

опухали ноги, особенно в первое время, пока „организм не привык к пленению“, по его собственному выражению.

Все, кому доводилось сидеть в одиночке, знают, как особенно тяжело бывало сидеть в тюрьме весной, и В. М., страстно любивший воздух, движение, пишет 20/III: „К своему пребыванию здесь привык, погода стояла пасмурная; вот только сегодня показалось яркое, весеннее солнце и потянуло на волю“. 1-го апреля в письме к сестре: „Сегодня весенний яркий день. Ласковый влажный ветерок проникает через открытую форточку в камеру и возбуждает мучительно приятные воспоминания весны в сосновом лесу. Сейчас сидел на табуретке у стены и меланхолически мурлыкал:

„Пойдем в леса зеленые,
В неведомый приют,
Где бьют ключи студеные
Да иволги поют“...

И дальше: „Ты жалуешься на скуку и на монотонность вашей жизни, но не будет ли тебе лучше, если я скажу, что у нас здесь и этого нет. Многие в летаргии; пульсация жизни очень слаба и мало заметна. Если просидеть 5—6 лет, то выйдешь Елиазаром (помнишь, у Андреева?). Таковые здесь уже есть. Любимое мое занятие—смотреть в окно и наблюдать; ходят они вяло, в глазах нет жизни. Горячее солнце смеется над ними... А ветер, напоенный ароматами весны, несущий мечту о свободе, не пробуждает их, а лишь заставляет грезить. Изо дня в день, почитывая понемногу, я все более и более убеждаюсь в своем невежестве“.

12-го апреля: „В последнее время серые дни и серая жизнь. Не то живешь, не то спишь. Границы между отдельными ощущениями не ясны и сознание точно окутано сумерками. Но это временно и скоро преходяще“.

В тюрьме В. М. составил себе план занятий и высказывал недовольство, что медленно выполнял его, что не было книг для систематического чтения, что не хватало усидчивости. Всего больше он читал по истории Англии, Франции и Германии. „В исторической перспективе современные мерзости кажутся мельче, а потому как будто бы легче переживаются“. Занимался он также немецким языком и немного философией, но все эти занятия не могли отвлечь от мысли поскорее вырваться на свободу.

В июле 1909 г. он пишет: „Сейчас 11 часов вечера, кругом тишина... с реки доносятся свистки пароходов и шум колес. Получается иллюзия, как будто бы живешь где-то на берегу Волги. Но стоит выглянуть в окно: увидишь решетку, иллюзии исчезнут и появится острое желание быть на воле... А воли все нету, все нет... И до суда еще долго придется сидеть. Почтенная особа с весами (не торговка, а Фемида, богиня

правосудия) насчет скорости-то подгуляла; что же касается до других добродетелей, приписываемых ей, то подождем, увидим"...

18/VIII 1910 г. пишет к отцу, что прочитал за 2 года массу книг по философии, логике, финансам и экономике, но все же не доволен ни собой, ни условиями, при которых приходилось работать. „Все, что можно было придумать для того, чтобы отнять возможность систематически заниматься, было сделано, а потому погублено много трудов и времени на бесплодные занятия. Однако, много уже значит приучить себя к серьезной книге".

В письме от 24 августа 1910 года пишет, как мучают однотонность, тюремный отрыв от деятельной жизни. „Я живу попрежнему: читаю, брожу по камере, снова читаю, читаю и т. д. Иногда попадется свежий человек, расскажет, что там на воле, и почувствуешь, как мы отстали. Скажешь что-нибудь, а тебе ответят: „Батенька мой, вот хватили; теперь не так"... „Быть может,—давно ведь с воли" и смолкнешь. Высосешь из нового человека все, что можешь; заплеснеет он, сравняется с нами, и опять все тихо—вчера как сегодня, сегодня как вчера. Часто на 40 минут общей прогулки не о чем и говорить. Бродим, как тени чеховских „сестер", на анемичных физиономиях которых написано тоскливо „в Москву". В самом деле, пора переменить обстановку. Да она скоро переменится: быть зима, быть и лето".

В следующем за этим письме от 26 сентября старается рассеять навеянное предыдущим письмом настроение: „Повидимому, в прошлом письме дал ложное представление о нашей жизни, коли вы подумали, что мы здесь хандрим. Наше настроение ничего не имеет общего с хандрой. Вообще, как вам известно, здесь мы больше оптимисты". В другом письме: „Нужно посмотреть на некоторых здешних каторжан. Несмотря на долгие годы беспросветной жизни, впереди они видят огоньки".

В. М. и в тюрьме старался следить за современным общественным движением, читал современную литературу, вырабатывал и там определенный взгляд на все существовавшие тогда течения.

В ноябре 1909 г. он пишет своей знакомой, учительнице из Сокольнического района Н. И. Павлиновой: „Повидимому, интерес к философским проблемам все еще растет. Недавняя буря засорила идеологию различных слоев общества, теперь идет расчистка. Одни чувствуют необходимость углубить и укрепить свои позиции, удалить налет идеализма во всех его видах, вплоть до богоискательства. Другие, выбитые из колеи жизни, мечутся и ищут... Третьи борются с первыми двумя, судорожно выдвигая на сцену весь арсенал старых и новых аргументов и пр. Словом, совершается работа определенная и завершенная идеологией. Так или иначе вырабатывается новый тип жизни. Декадентство, мистицизм, неоромантика,

быть может, уже последний раз так крикливо и высоко поднял свою голову. Пусть ищут новых форм для старой сущности. Ведь это может не помешать послужить им в качестве удобрения. Не так давно вся эта братия любила принарядиться в пролетарский плащ, теперь мы их видим голенькими. „Анатема" (Андреева) и ее постановка на сцене Художественного театра — симптом того, что интерес к „проблемам" затронул более или менее широкие слои интеллигенции. (Ведь она главным образом читает Андреева, ходит в Художественный театр). Л. Андреев чрезвычайно чутко выражает идейные стремления мещанской интеллигенции. Да и сам он кровно связан с ней и уже не может выбраться из „метафизического круга железных предначертаний". Критика и публика еще недовольны, не вполне понимают его, но это потому, что трудно пока формулировать ее [1]) неясные стремления и мысли. Она еще не успокоилась. Дверь не так давно отворялась и затворялась... Эпоха реакции мне кажется не менее любопытной, чем период под'ема. С большим интересом читал по истории 50-х годов Германии. Есть много общего с тем, что теперь у нас. Но современная жизнь значительно сложнее. Да и 50-е годы в Германии связаны с промышленным под'емом, у нас же кризис, перешедший в депрессию. Все же много общего. Хорошей иллюстрацией к внутренней работе, происходящей в нашем обществе, служат прения на всевозможных промышленных, епархиальных, врачебных, монашеских и прочих с'ездах. К сожалению, до меня доходят лишь отголоски того, что там за стеной... Ваше интересное описание „Анатемы" не вызвало у меня желания побывать в театре. Нет, я охотнее очутился бы на шумной улице, в пестрой толпе. С большим удовольствием всматривался бы в радостные и печальные, скучные и веселые лица обыкновенных людей, чем в безрадостное лицо „некого в сером и К-о", а главным образом остался бы в той толпе, не возвращался бы в свою мышеловку"...

В другом письме: „Повидимому, 1909—1910 гг. были годами наибольшего упадка общественного движения в России, роста декадентства, религиозно-философских настроений среди интеллигенции, которые отразились и среди социал-демократов в форме богоискательства".

15 декабря 1909 г. в письме к родителям пишет, что „сердце иногда пошаливает, но тут ничего не поделаешь. Необходимо изменить условия жизни, что пока невозможно. Последнее время почти совершенно прекратил переписку со всеми своими друзьями и знакомыми. Долгое заключение почти совершенно уничтожает впечатление от каждого отдельного человека, сохраняются только типы, а потому поддерживаешь

---

[1]) Речь идет о мещанской интеллигенции.

В М Лихачев среди политических ссыльных в Сибири в 1911 г. Справа налево Балашев, Лихачев, Потапов, Аникеев.

переписку или с очень близкими людьми, или с наиболее типичными для данной среды".

4 апреля 1910 г.: „Здесь время идет быстро, но каждый убегающий день жаль еще больше, чем на воле. Читаю, пишу, снова читаю и пишу. Приобретаю новые знания, теряю, забываю старое".

26 сентября 1910 года: „Подводя итог 2-годичной жизни в тюрьме, могу сказать, что никогда время так быстро не пробегало, как сейчас. Как будто бы это сон. Сон, в котором развертывается сказочная жизнь из сказок бр. Гримм: выступает солидно „Обложение незаслуженного прироста ценностей пр. д. ул."; весело подмигивает прародительница—амеба; печально удаляются персонажи из Роденбаха; зло и беспощадно ругаются Ильин с Богдановым[1]), успокаивающе действует „архолитическая эра" и миллионы лет, с которыми так просто обращаются астрономы и геологи; мечтательно настраивает Лоти, описывая красоты восточной жизни и т. д. и т. д. Право, не скучно. Будь у меня 1000 лет жизни, я охотно подарил бы 2 года уединению. Но у меня их нет, а потому добровольно не отдам ни одной минуты. Хотелось бы поспорить с вами о наследстве отживающего класса, да отложу до более благоприятного времени или до личного свидания. Хорошо бы месяца через два явиться к вам пить чай".

Как ни терпелив и осторожен был В. М. в ожидании сроков, но и он все же ошибся. После этого письма прошло добрых 5 месяцев, пока, наконец, он смог „переменить обстановку". Между тем здоровье его в тюрьме сильно расстроилось: состояние сердца внушало опасения за жизнь[2]).

25 октября 1910 года начался процесс „33" в Московском Особом Присутствии Судебной Палаты. В. М. был в числе избранных его сопроцессниками в „комиссию по проведению процесса" и участвовал в выработке обращения с советами к товарищам—„как вести себя на суде"; это обращение попало в руки властей и фигурировало на суде в качестве обвинительного документа[3]). Приговор получился 3 ноября 1910 года. Судился В. М. по I ч. 102 ст. Уг. Улож., наивысшая мера наказания по которой—каторга не свыше 8 лет, но каторгу получили только трое из 33-х, как замешанные по делу о типографии, в которой печаталась газета МК „Рабочее Знамя". Выписка из дела М. О. О. о В. М. гласит следующее: „Лихачев, состоя членом Московской социал-демократической организации до 27 ноября 1908 г., исполняя разные партийные

---

[1]) В. И. Ленин под псевдонимом „Ильин" выступал против философской ревизии марксизма, предпринятой в годы реакции рядом литераторов во главе с Богдановым и Луначарским.

[2]) Из воспоминаний т. Попова.

[3]) Из воспоминаний Я. Корнильева.

по делам организации поручения, поддерживал по делам организации сношения с другими членами таковой, имел в своем распоряжении принадлежащие организации денежные суммы, расходовал их на нужды революционной деятельности организации и собственноручно вел записи о расходе этих денежных сумм".

В. М. вместе с девятью товарищами из 33-х был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке. Один из сидевших одновременно с ним товарищей вспоминает, „как в последний раз перед ссылкой В. М. проходил по тюремному двору в арестантском бушлате и брюках, поглядывая на окна, помахивая круглой арестантской шапченкой" [1]).

11 февраля 1911 года все осужденные переведены были из Таганской тюрьмы в Бутырскую—приговоренные к каторге для отбытия в ней срока, присужденные к высылке до очередного этапа в Сибирь.

Приблизительно через 2 недели после этого, в конце февраля 1911 года, В. М. вместе с Балашевым, Потаповым и Аникеевым был выслан этапным порядком в Енисейскую губернию. В московской тюрьме он всего прожил 2 года и 3 месяца.

---

[1]) Воспоминания С. Захарова.

III

В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

1911 г.

Сведения о времени пребывания т. Лихачева в сибирской ссылке имеются лишь из его писем к родителям, сестрам, брату и к старой знакомой—Н. И. Павлиновой. В ссылке В. М. пробыл год. На место своего жительства в деревню Хандалы, Енисейской губ., Канского уезда, Тасеевской волости, прибыл в первых числах апреля 1911 года. Письма его дают достаточно ясное представление о его жизни там, а также о местных условиях существования вообще политических ссыльных. Первое письмо его в Россию было от 4/IV с описанием местожительства. Несмотря на глушь, куда его упрятало царское правительство после 2 лет тюрьмы, он и тут не унывает, находит лучшие стороны жизни и стремится успокоить своих родителей, что живется ему не так плохо.

„Живу от железной дороги всего в 150 верстах. Природа здесь напоминает уральскую, но климат несколько мягче, а потому флора и фауна богаты. Канский уезд один из земледельческих уездов в губернии. Сеют главным образом пшеницу. Земли имеют помногу, и родит она хорошо (сам-10 и больше). Население зажиточно, даже богато. Средний крестьянин имеет 6—7 лошадей, при обработке земли употребляют плуги, сеялки, молотилки и пр. Но все это не мешает быть местным крестьянам малокультурными с внутренней стороны. Грамотность развита слабо. Школ мало и плохо поставлены. Здесь богатая охота; придется завести ружье и лодку. Пока еще снег не стаял, лед на речках не прошел, в лес итти нельзя—мне скучновато. Я ожидал попасть в северную часть Иркутской губернии, но вышло так счастливо, что попал в один из лучших уездов Енисейской губернии. Здесь очень здоровый климат — старики в 70 лет выглядывают 45—50-летними. К политическим ссыльным здесь относятся довольно хорошо“.

24/IV. „Понемногу обживаюсь, целые дни занят в лесу, рубим колья для огорода, а затем сплавляем. Лучшее время здесь, это—май и первая половина июня, а затем уже появляются мошки, комары и пр. Хожу в арестантском платье, свое все еще не дошло, но имею надежду на-днях получить".

V/1911 г. „Начинаю осваиваться с новой обстановкой и проникаюсь интересами деревенской жизни. Деревня Хандалы, где я живу, расположена на реке Усолке, притоке Ангары, среди хвойных лесов и гор. В лесах водятся лоси, медведи, в большом количестве тетерева, будто бы много ягод и грибов. Местное население подразделяется на три группы: 1) крестьян-старожилов „челдонов", 2) добровольных поселенцев (самоходов) „лапатонов" и 3) ссыльно-поселенцев „политиков". (Уголовные в последние годы сюда не высылаются). Первая группа пока еще наиболее многочисленная, богатая и с внешней стороны даже культурная. Чистота в домах, употребление сельско-хозяйственных орудий и отсутствие религиозности—вот отличительные черты „челдона" от российского крестьянина. Вторая группа—„лапатоны", еще необжившиеся поселенцы, принесли с собой вместе с бедностью и весь уклад жизни нашего сермяжного мужика. „Челдоны"—это сытая оппозиционная демократия. „Лапатоны"—осколки российского революционного крестьянства [1]). Из Минусинского и Канского (где живу) уездов при наличности культуры, капитала, лучших путей сообщения можно сделать Калифорнию. Бывают годы, когда пшеница родит сам-25—30. Обычный урожай 10—15. Почва совершенно не удобряется, навоз вывозят на свалку. Работают здесь как волы, водку пьют в невероятном количестве (мой хозяин признался, что в год пропивает рублей 70) и все-таки необыкновенно здоровы. Такое здоровье можно отнести за счет климата и хорошего питания. „Политиков" приходится человек по 200 на волость. В нашей деревне в 1909 г. было приписано 18 человек, осталось человек 5, остальные разбежались или переселились в другие деревни. Из вновь прибывших приписано всего трое: латыш с латышкой и я. Всего лучше устраиваются здесь крестьяне. Переселив семью, отстроив дом, распахав землю, крестьянин живет той же жизнью, какой жил и на родине. Борьба за землю и волю в узком деревенском смысле привела их сюда. Здесь земельный простор, относительная воля. И их цели до известной степени достигнуты. „Нам лучше, чем на родине"—говорят они. Я думаю, в революции они сыграли свою роль, и она уже не повторится. В Хандалах у нас совершенно нет газет. Читаю я их, лишь приезжая в село Тассеево за почтой. Книг

---

[1]) „Лапатон" был псевдоним В. М. Лихачева, под которым он писал позднее, во время своей эмиграции, в русском социалистическом журнале, издававшемся в Нью-Йорке—„Новый Мир".

пока еще у меня нет. Перечитываю кое-какие старые книги и читаю журналы за 1909 г. Но, к сожалению, они разрознены. В Тассееве есть библиотека, но сейчас она приводится в порядок, и книги не выдаются. Почта в нашей жизни играет громадную роль. Ведь все-таки здесь нет той жизни, которой нам хотелось бы жить, пока еще интересы не принизились, и мы способны думать и интересоваться больше, чем челдоны, а за будущее ручаться нельзя. Товарищи, прожившие здесь больше года, так изменились, что приходится недоумевать: неужели они когда-то были революционерами. С грустью констатируешь, что марксистское положение: „бытие определяет миросозерцание" имеет бесконечное количество ярких иллюстраций. За небрежность письма прошу простить. Теперь я только огородник. Лопаты, грабли, лейки, кадки—вот сегодняшние заботы".

V. „Я занят огородничеством. Расчищаю новую, еще ранее непаханную землю под огород. Здесь есть речка, похожая на реку Лялю [1]); я имею лодку, иногда ловлю рыбу и сплавляю плоты. Это положительные черты моей жизни, но есть и отрицательные. Вся жизнь людей здесь заключается лишь в добывании себе и своей семье хлеба, и что непосредственно не имеет отношения к этому, никому не интересно. Наука, литература, искусство здесь совершенно не известны. Даже песни как следует не умеют петь. Вообще человеку, жившему высококультурной жизнью, трудно удовлетвориться нашей жизнью. Иногда читаю и пишу, но последнее время—очень мало; физическая работа с непривычки утомляет и хочется спать. Почта у нас бывает только два раза в неделю".

15/VI. „В ссылке я получаю письма значительно реже, чем в тюрьме. Это, пожалуй, можно об'яснить тем, что теперь все знакомые уверены, что больше меня не увидят".

27/VII. (К брату): „Живу в своей деревне уединенно. Хожу по лесу, а часто сижу в своей избушке на курьих ножках и читаю. Из Ташкента папаша пишет (спасибо ему) о своей жизни и, как человек обстоятельный, пишет подробно. Он так трогательно заботится о всей семье, что лучшего отца, мне кажется, и не может быть. Скоро у нас начнется охота на белку. Может быть, и я буду охотиться, пока же ловлю рыбу и хожу по ягоды. Ягод много, но сахарный песок дорог, так что варенье варю редко. Играешь ли ты на каком-нибудь инструменте или так же бесталанен, как и я? Молодежь играет хороводы, танцует, поет и как умеет веселится. Ну, я-то уже устарел".

7/VIII. (Н. И. Павлиновой): „Мельком знакомя вас с окружающей меня природой, людьми и обстановкой, я позабыл написать вам про „Сеньку". Сенька — это жалкая, забитая

[1]) Ляля—река Верхотурского у., Пермской губ.

собачонка, приставшая ко мне ради об'едков с моего стола. Я кормлю его и воспитываю дух непокорности и злобы. Но инстинкт самосохранения нашел удобнее сделать Сеньку „непротивленцем". Он не хочет, а может быть, и не умеет лаять и огрызаться, а печально смотрит своими гнойными глазами и виляет хвостиком. Люди не прочь пихнуть его ногой, но, встречаясь с жалкой фигурой и ласкающим, покорным взглядом, кричат: „ну, паршивый" и проходят дальше. Я надеюсь, современем Сенька перевоспитается, будет злой и храброй собакой; тогда мы пойдем с ним „белковать".

28/VIII. „Осенью нужно бы было отправиться „белковать", но нет ружья. Заработков нет... На зиму думаю поселиться в Тассеево; может быть, будет лучше. В конце июля у нас был мороз и поморозил все огороды. Замерзла даже картошка. Таким образом, из огорода ничего не вышло. Но вообще сравнительно с другими я живу не дурно".

Письмо без даты родителям: „Только что возвратился с пешеходного путешествия по окрестным деревням. Ходил в д. Топол, в 30 верстах от нас, рубить лес на постройку двора в усадьбе семейного товарища; хотя время для этого не подходящее, но ничего не поделаешь. У меня гостит сейчас Андрей маленький [1]); он живет в 45 верстах в другой волости, думает поступить приказчиком в крупный тассеевский магазин. Приказчики там почти все ссыльные. За почтой большей частью хожу пешком; к такому путешествию быстро привыкаешь; очень часто за 40 верст приходят товарищи пить чай. В моей деревне ссыльные по преимуществу латыши. Народ очень крепкий физически и работоспособный. Большинство из нас определенных занятий не имеет, а живет в ожидании лучшего будущего. Книг здесь достаточно. Я получаю три газеты: „Русские Ведомости" (московские), „Современный Мир" (петербургскую) и „Красноярскую Мысль" (местную). Журналы тоже получаются. Очень не хочется превращаться в первобытное состояние, очелдониваться, но если здесь прожить года 2—3, то это неизбежно. Последнее время почти не получаю писем. Москвичи постепенно начинают забывать. Не забывает меня старая знакомая Надежда Ивановна: недавно прислала посылку, где было много всяких мелочей включительно до одеколона".

30/VIII. „Хожу на охоту за утками, но не всегда успешно; ружье плохое, и нужно подходить очень близко, чтобы оно достало. В охоте главное—общение с природой. Хорошо ночевать в лесу. Холодно, но жаришься у костра, как на вертеле. Бывает иногда немного страшно. Верстах в 4—5 от деревни шатается „Михаил Иванович", чернобурый медведь, пригнанный сюда из тайги лесным пожаром. Затрещит лес, заржат

[1]) Тов. Попов.

кони, послышится их убегающий топот, и все думается: ну идет „Михаил Иванович". Хорошо утром во время восхода солнца. Лес полон жизни: щебетание птиц, всплеск рыбы на реке, яснеющие контуры крутых берегов реки. Люди все время еще остаются чуждыми и стать близким с ними—это значит коренным образом измениться, принизить свои интересы и развитие до их уровня, ибо поднять их до себя довольно трудно и пока даже невозможно. Простая, сытая животная жизнь ясна, потребности у ней заранее определены. Но я думаю, она все же лучше и интереснее, чем жизнь внешне культурного городского мещанства, ибо цельнее и самостоятельнее. Между прочим жители здесь совершенно не ощущают полицейского гнета. Еще слишком слаб государственный аппарат, чтобы проникнуть дебри лесов, но, несомненно, рано или поздно он займет свое место и здесь".

4/IX. „Наступают уже холода, нужно заботиться о зиме. Переезжаю жить из деревни в село Тассеево. Жить здесь подороже, но немного повеселее,—не повесишься от скуки, а главное, не нужно ходить за почтой 10 верст, что зимой несколько затруднительно".

11/IX—1911 г. Село Тассеево.

„Теперь я уже переехал из своей деревни в село Тассеевское. Живу не в избушке на курьих ножках, а в настоящем доме, комната похожа на городскую, но сущность жизни, конечно, остается та же. Продолжаю заниматься исследованием городских самоуправлений в России. К сожалению, материалов мало. Зимой, очень может быть, буду писать в сибирской прессе. Мне посылают бесплатно за корреспонденции и мелкие статейки местную газету".

28/IX. „Живу в селе Тассееве и имею дело почти исключительно с книгами, а часто даже и их забрасываю и просто живу растительной жизнью, как эти вековые сосны, ели и пр. Примитивная, малокультурная жизнь имеет большие недостатки, но есть в ней и достоинства: нет сомнений, колебаний, все просто, ясно, как у всех животных и растений".

1/X. (К брату). „Сейчас у нас великолепная погода, воздух чист и прозрачен, дышится легко. Сижу дома и изредка лишь путешествую по улицам села. В каком спектакле принимаешь ты участие, что именно ставили? У нас здесь много опытных лиц в этом деле, но, как лишенным прав, им нельзя устраивать спектакли. Вообще многое нельзя. Можно только заниматься физическим трудом".

16/IX—брату. „В переписке вообще бывают периоды затишья и бурь. То много писем, то нет ничего. Сегодня день почты. Мы, т.-е. я и сожитель, получаем много газет, и в день почты наша квартира походит на читальню. И самим нам газет хватает на два дня. В следующую почту постараюсь послать открытку с нашим видом. Один из товарищей имеет

фотографический аппарат и снимает. Ждем холодов. Недавно был в своей деревне, Хандалах; теперь там скучно и одиноко; хорошо, что я переехал сюда".

29/X. „Шубу, шапку, перчатки и чулки получил. Все это пришло как раз во-время. После продолжительной оттепели начинаются морозы, и „старушка" [1]) будет мне очень и очень полезна; она же в случае нужды послужит одеялом. Жаль только, что ее есть нельзя. Всю зиму, вероятно, придется сидеть без работы, да и вообще ее здесь не достанешь. Живу вдвоем с одним товарищем и более или менее уединенно; иногда от скуки играем в преферанс, и когда мои партнеры ругают меня за плохую игру, я рассказываю им: вот мамаша у меня играет хорошо".

18/XI (Н. И. Павлиновой). „Вечер. Повидимому, около 11 часов. Сегодня настоящий сибирский мороз (до 40 гр.), а у нас в избе тепло. Топится печь. Фиолетовые огоньки на фоне блестящих бриллиантов углей настраивают мечтательно. Но это не мечты о будущем, не воспоминания о прошлом. Нет... Это что-то другое, бесформенное. Думается и об интересах крестьянского дня: о топоре, о цене на хлеб, о заболевшей лошади, о „политическом лапатоне", моем бывшем хозяине, да мало ли еще о чем. Пожалуй, есть некоторая польза в умеренном пребывании здесь. Большинство из нас почти совершенно не знакомы с бытовой стороной крестьянской жизни; теперь имеем возможность не только знакомиться, но даже входить в нее. Людям города нередко простота отношений кажется невежеством дикарей; доброта и приветливость маневром мужика „себе на уме" и т. д. Да, много лжи, злости, отталкивающей примитивной хитрости. Но это зло самой природы и доброта ее—теплого солнышка, зеленой травки, могучей ели, укрывающей в непогоду. Можно и легко любить людей. Но чувствовать себя хорошо можно, лишь проявляя какую-нибудь деятельность. Я ничего не делаю, а потому часто в угнетенном настроении. В самом деле: читать газеты и книги—разве это дело? Делишки мои дрянь, но с надеждой буду ждать оживляющей весны. Мороз слишком много возьмет сил для согревания организма и никак нельзя двинуться „на благ святых" [2]). Нужно сейчас зарыться в снег и сосать лапу, а весной по малину. С глубоким уважением отношусь к Толстому, но, должен признаться, „Р. В." [3]) порядочно-таки надоели с ним. Право, что-то похожее на фетишизм. Ну, какому здравомыслящему человеку интересно смотреть кресло или штаны Толстого? Еще не могу составить себе мнение о текущем моменте: для теоретического исследования не достаточно

---

[1]) Старая шуба.
[2]) Намек на бегство.
[3]) „Русские Ведомости"—моск. газета.

материалов, а интуитивно — нельзя, не участвуя в жизни. Кажется, светает, но еще темно.

P. S. А ветер воет в трубе, напоминая старуху из „Жизни человека“ [1]). К чорту ведьм... Буду читать что-нибудь веселое. Знаете, иной день я совершенно не выхожу из дому, как в тюрьме. Приходит даже надзиратель для проверки“.

Письмо без даты Н. И. Павлиновой: „Пишу сейчас письмо из деревни; ушел из села на один день и сижу здесь уже три. Сейчас пурга, и мне в моей одежде итти холодно; поджидаю конца, когда потеплеет. Недавно был на импровизованном кабаре, устроенном ссыльными; ставили две чеховские вещички, пели, декламировали. Между прочим понравился мне Туруханский марш, изображающий настроение ссыльных. Помню его начало:

„То не зверь голодный завывает,—
Дико разыгралася пурга;
В вихре бури ухо уловляет
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело!
Мы над долей злой
Песней посмеемся удалой“.

Далее изображается эволюция, которую переживает ссыльный. Есть такое выражение:

„И глядишь, плетется доблестный герой
В виде мокрой курицы домой“.

„Р. В.“ получаю и ценю их больше, чем другие газеты. Все же в них больше материалу, чем в другой прессе. Сибирские газеты несколько лучше, чем обычные провинциальные“.

14/XII—1911 г.: „Крошечное событие в моей маленькой жизни. Во-первых, нас согнали с старой квартиры, и мы были вынуждены переселиться по одному; во-вторых, расстроилась наша кооперативная столовая, потому что захворал оспой один из товарищей, живущих в ней, и, в-третьих, начинают болеть еще трое, в том числе и Ваш покорный слуга. Старая квартира была ценна присутствием маленькой Рижки [2]), скрашивающей однообразные дни нашей жизни. Теперь я один, в одиноком крестьянском доме. В 7 часов ложатся спать. Полнейшая тишина, только равномерно монотонно чикают хозяйские часы почему-то напоминающие мне российскую крестьянскую избу и медлительно-важных тараканов-прусаков. У местных „челдонов“ безукоризненная чистота, заставляющая нас, нерях интеллигентов, подтягиваться. В моей комнате стены выбелены бело, на полу самотканые ковры, на трех столах белоснежные скатерти, а на четвертом, в углу, чахлые цветы: плющи и герани... Нет только кисейных занавесок и анемичной девушки

[1]) Соч. Л. Андреева.
[2]) Маленькая дочь хозяйки.

в платочке. Иначе я мог бы вообразить себя в нашем маленьком, глухом, мещанском городишке на Волге. Оспой заболел Юлиус, молоденький латышенок с белокурой бородкой, с большими голубыми глазами. Он необыкновенно добр и мягок. Думается, что его доброта практически неудобна и даже вредна; мягкость — тоже отрицательная черта характера, но как-то приятно знать и чувствовать, что существуют такие люди. Лучше веришь в человека. Здесь уже умерло несколько человек от оспы взрослых с привитой в детстве оспой. Пока письмо закончу, чувствую высокую температуру и вынужден лечь. В прочности своего организма уверен—ведь в детстве я почти не хворал и завтра же буду здоров".

Его уверенность оправдалась—оспой он не заболел и скоро был совершенно здоров. Это письмо, видимо, было если не последним, то одним из последних перед его побегом из ссылки. Незадолго до побега он был в с. Христорождественском, о чем сообщает жившая там же ссыльная С. Капралова, с которой он перед побегом приходил прощаться.

Бежал В. М. через Японию в Америку. Таким образом, в сибирской ссылке он пробыл почти год.

IV

В ЭМИГРАЦИИ

Япония, г. Чань-Чун, без даты, отцу:

„Пишу из гостиницы японского города Чань-Чун, еду в Америку. Жизнь складывается так, что приходится покидать Россию. С грустью расстаюсь я со страной, где прожил больше половины своей жизни, но что же делать. Как только представится возможность, возвращусь в Россию. Больно мне думать, что, может быть, мне никогда не удастся вас видеть. Когда что-нибудь теряешь,—кажется особенно дорогим, и мне сейчас особенно больно, что не удалось вас увидеть".

20/II—1912 г. Иокогама: „Целый день пробыл в этом городе. Япония производит впечатление внешне-культурной страны. Что же касается до внутренней жизни, ничего не могу сказать, так как без знания языка не узнаешь. В Америку, кажется, мы попадем в неудобное время: выборы президента, и якобы жизнь в это время останавливается и трудно найти работу".

В СЕАТЛЕ

1912—1913 гг.

В дороге В. М. пробыл приблизительно до апреля. На границе Америки его не пропустили в страну американские власти, арестовав, как анархиста, которым въезд в Америку запрещен. В американской тюрьме В. М-у пришлось пробыть около месяца. В это время в Вашингтоне по поводу его ареста был поднят шум со стороны либералов и демократов. Американские социалисты использовали этот инцидент в агитационных целях—были организованы митинги, протесты и т. д. Дело кончилось тем, что он был в конце концов признан „политическим", т.-е. имеющим право на убежище в Америке,

и освобожден из тюрьмы. Это было приблизительно 8 апреля 1912 года. Поселился он в Вашингтонском штате, в г. Сеатле, и в первое время, не имея квартиры и заработка, жил у товарищей полит-эмигрантов.

Через несколько дней он связался с „Союзом русских рабочих" и с тех пор в течение всех 5 лет эмиграции связь эту не порывал. Раньше чем описывать политическую работу, которую вел В. М. в Америке, необходимо сказать несколько слов о том, какова была организация рабочих в русских колониях промышленных городов Америки ко времени его приезда, т. е. в 1912 г. В г. Чикаго к концу осени 1911 г. существовало два русских отдела при Американской социалистической партии и областной комитет, об'единявший эти отделы и несколько отделов городов: Мильоки, Рокфорд, Гери, Сан-Пауль. Областной комитет вскоре распался. Чикагские отделы были немногочисленны и слабы, особенно отдел, находившийся в северной части города; в нем всего было 7 членов, поголовно крестьян, уже несколько распропагандированных, но политически малограмотных. Этот отдел вскоре удалось укрепить. Была снята для этого особая квартира, где поселилось 5 товарищей; там регулярно происходили деловые собрания, а также временами устраивались лекции, на которых завязывались связи с массой. Когда число членов дошло до 20, отдел получил право посылать делегата на общегородское делегатское собрание Амер. социал. партии. Это организационно связывало русский отдел с Американской социал. партией, по существу оппортунистической, но имевшей в себе здоровое течение, руководимое Евгением Дебсом. Все русские отделы, разбросанные по всей Америке, были об'единены в Нью-Йорке в русскую федерацию, выпускавшую на русском языке еженедельную газету „Новый Мир". Хотя во главе федерации были люди большевистского направления, как, например, А. Менсон, все же газета была в руках меньшевистской группы д-ра Ингермана и К-о. Это об'яснялось тем, что у меньшевиков были литературные силы, которые отсутствовали у большевиков [1]).

В Северо-Американских Соединенных Штатах в то время жило несколько миллионов русских эмигрантов, главный кадр которых состоял из крестьян северозападных, южных и западных губерний. Многие из них приехали временно, чтобы заработать несколько сот рублей и, вернувшись обратно в Россию, поправить свое хозяйство в деревне. Все они эксплоатировались капиталом „по-американски" и материально и в качестве штрейкбрехеров. Русское самодержавие и тут не забывало своих „верноподданных" и, опасаясь влияния на них республиканской Америки, оно ассигновывало громадные суммы на монархо-черносотенную

[1]) Из воспп. т. Ратова.

работу среди них, а вокруг этой работы налипало не мало авантюристов и различного рода „опекунов". Царское правительство командировало в Соединенные Штаты „своих" людей, которые насаждали там православие, строили церкви, церковные школы, монархисты издавали газеты на русском языке. В руках православной церкви находился эмигрантский дом, который играл колоссальную роль в жизни эмигрантов— беспомощных в чужой стране, не знающих ни местных условий жизни, ни языка [1]).

Таким образом, многомиллионная русская эмиграция была окружена в Соединенных Штатах плотной стеной волков в овечьих шкурах. Что же касается политической эмиграции в Америке, то она состояла из молодых партработников, в большинстве бежавших из Сибири, и старых интеллигентов, осевших там давно и устроивших свое благополучие — врачей, юристов, инженеров, имевших собственные дома и „связанных" с местным американским движением. Эта соглашательская группа относилась к первой группе недоброжелательно.

Перед небольшой группой большевиков, таким образом, стояла задача колоссальной трудности: работы среди отсталой, малограмотной массы русских переселенцев, борьбы с монархическим влиянием на них, а также и с влиянием со стороны „плехановцев"—меньшевиков. Между тем сил своих было недостаточно, приходилось для культурных целей использовывать своих политических противников—меньшевиков.

В лице приехавшего т. Лихачева большевистская группа приобрела не только организаторскую и агитаторскую, но и литературную силу. Раньше чем использовать его в центре — в Нью-Йорке, они решили использовать его на западе, где партийных сил почти не было, а рабочих эмигрантов было значительное количество.

С апреля 1912 года до весны 1913 года В. М. был представителем комитета русской федерации на западе Соединенных Штатов. Во многих местах на западе Сединенных Штатов и Канады под его руководством образовались русские отделы социалистической партии. Помимо руководства В. М. всюду выступал в качестве лектора, пропагандиста и агитатора [2]). Со времени московского ареста почти в течение 3 лет оторванный от политической работы, Вас. Матвеевич со всей страстью и энергией отдался этой работе.

Не имея ни денег, ни специальности, не обладая знанием английского языка, он принужден был добывать себе средства к жизни физическим трудом. Работу физическую в Америке было сравнительно легко найти, было бы здоровье — спрос был на этот труд самый большой. Что же до ремесел (слесарей,

---

[1]) Из восп. т. Минкина
[2]) Из восп. А. Минкина

плотников и пр.), то русским ремесленникам приходилось в Америке переучиваться. Полуинтеллигентный труд (конторщиков, бухгалтеров и пр.) ценился дешевле физического, ибо предложения его всегда превышали спрос, да и кроме того для него требовалось знание языка. По всем этим причинам русские полит-эмигранты, да и к тому еще и „профессионалы", как В. М., в начале своего приезда все занимались физическим трудом. Вращаясь в Америке среди массы русских, В. М., как и многие русские, находившиеся в таких же условиях, долго не мог освоиться с английским языком, а потому жизнь американцев была сравнительно долго ему чужда. Он часто пишет об этом родным и знакомым. Много раз он собирался взять „легкую" работу и поступить в школу, чтобы подучиться языку, но так и не собрался—с одной стороны, он необходим был для партийной работы, с другой—без партработы он жить не мог, а совместить и работу и ученье не было ни сил, ни возможности. Кроме этого, его не влекло к интеллигентской работе; он больше любил жить в рабочей среде,—она была ему роднее, ближе. Конторский труд не привлекал его еще и потому, что по своему характеру и темпераменту В. М. не был склонен к сидячей жизни; он был скорее „непоседа", любил менять места, а к этому всего более располагала жизнь американского чернорабочего.

Всем известны чисто американская отличная организованность труда, его интенсивность и вместе с тем способность американских капиталистов по части „выжимания пота". Чернорабочие были в этом отношении в худшем положении, чем рабочие квалифицированные. В борьбе с „выжимателями пота" чернорабочие в сезонное время (с весны до зимы) часто переходили с одной работы на другую. То же делал с ними и В. М. За 5 лет жизни в Америке он не мало исколесил ее и в вагонах жел. дороги, и под вагонами „зайцем", и пешком. Работал он то кочегаром в большом отеле да еще на самой тяжелой ночной смене, то на лесопильном заводе в лесу, где в часы отдыха, окруженный рабочими, читал и раз'яснял им газеты, то на рыбном заводе, то на пароходе (на верфях), то по постройке жел.-дор. пути, то в сельско-хозяйственной ферме и пр. и т. п. И всюду, где бы он ни работал, он не переставал оставаться профессиональным партийцем, всюду пропагандировал идеи социализма, приспособляясь и к новым людям, и к новой обстановке.

В промежутках между концом одной и началом другой работы он делал передышки в 1—2 месяца или в несколько недель, уходя обычно „бродяжить" куда глаза глядят. Забирался в „джунгли", самые гущи американских лесов, где обычно укрывались от американской полиции лумпен-пролетариат или искатели приключений. Там В. М. знакомился с особой жизнью джунглей, полной таинственности и опасностей. В этих

„путешествиях“ он приобретал иногда друзей, с которыми долго затем не расставался.

Почему влекло к бродяжничеству т. Лихачева? Сам он пишет об этом так: „Мной овладело беспокойство, желание перемены места“, или „я устал работать, иду бродяжить на $1^1/_2$ месяца“. Возможно, что в этом чувстве сказывалась наследственность, перешедшая к нему от отца и деда, которые также всю жизнь раз'езжали, живя подолгу в лесах. В американском Лихачеве повторялся маленький Вася—фантазер, страстный любитель „путешествий на лодке“. Из больших каменных городов влекла его в леса натура поэта и страстного любителя природы, которую он так хорошо чувствовал и описывал в своих письмах и рассказах. В этих бродяжнических приключениях он отдавал дань своим художественным наклонностям, которые не находили удовлетворения в его американской жизни. Америка—„страна доллара“—вообще была чужда его характеру.

Однако, долго оставаться без работы в Америке нельзя—американский капитал точно работает в этом отношении, не позволяя засиживаться без работы своему „рабу“ и захватывая его снова в свои цепкие об'ятия после коротенькой передышки. Перемена мест в результате еще ухудшала условия работы, ибо терялись связи, знакомые, работу труднее было получить, и на это уходила масса энергии. Частенько без работы приходилось голодать т. Лихачеву и здесь, как и в России. Все это отражалось на здоровье, уже подорванном многолетними тюрьмами и ссылкой.

Занимаясь физическим трудом, В. М. прекрасно учитывал все отрицательные стороны его. 24 мая он пишет в Россию: „Жизнь, действительно, идет здесь быстрей, люди живут богаче (даже рабочие), но в ожесточенной борьбе за материальные блага так много уходит энергии, что ее не остается для умственной жизни. Все носит практический характер“.

И в другом письме от 24 октября: „Все, что называется интенсивным американским трудом, накладывает отпечаток не только на физический мир, но и на духовный. Твердые мускулы, грубые мозолистые руки, тяжелые мысли, примитивные чувства—вот удел чернорабочего“.

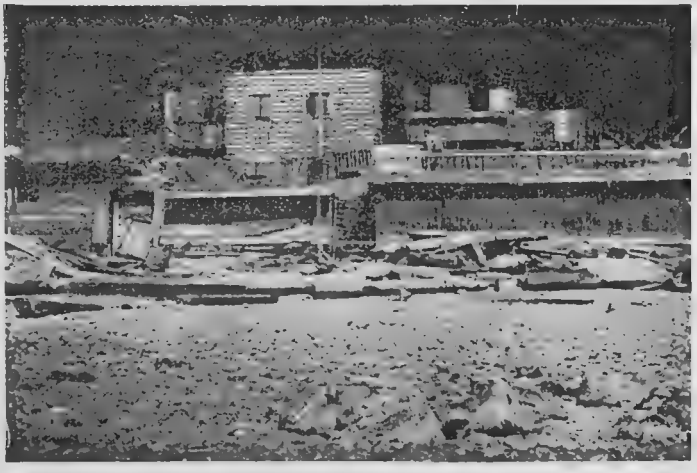
„Зима, дождь, холод, грязь—для чернорабочего скверная пора. Но что же делать? Раб ленивый, раб лукавый урывал у „желтого дьявола“ (так Горький называл капитализм) несколько недель яркого веселого солнечного лета и теперь должен месяц мокнуть под дождем“.

В половине октября 1912 года В. М. остался без работы и, чтобы не остаться без крыши, устраивается за городом на скале на берегу моря в полуразрушенном домишке, который дрожал от волн и напора ветра. В этой дырявой хибарке В. М. прожил кое-как всю зиму вместе со своим другом-моряком,

без печи, кое-как укрываясь по ночам под всеми одеждами, имевшимися в его незатейливом „гардеробе".

Однако, все эти невзгоды вызывают в нем по обыкновению шутки и остроты: „Должен признаться вам, что в моем хорошо обставленном кабинете холодновато. Печи нет, ветер, волны, мой домишко дрожит. Я грею руки в шерсти моей кошки. Эта леди лишь вчера пришла ко мне жить. Ее не нужно кормить,—она ловит мышей и рыбу, а на зиму пристраивается в сожительницы к какому-нибудь одинокому бому (босяку), как я".

Весной 1913 г., работая на постройке шоссейной ж. д., он продолжал жить в своем домике, пристраивает к нему



Хижина в Америке, на берегу моря близ г. Сеатле, в которой жил т. Лихачев зиму 1912 и весну 1913 г.г.

террасу—доски для этого приносит море—и находит, что в нем жить „великолепно".

В первые месяцы своей жизни в Америке он мечтает еще накопить деньги и уехать в Россию, но, с одной стороны, неуменье „копить", которое было отличительной чертой его характера, с другой—необходимость чисто физическая время от времени отдыхать от тяжелой работы не давали осуществить эту мечту. 21 июля он пишет отцу: „Меня частенько тянет в Россию. Пройдет много лет, прежде чем до тонкости будешь понимать язык, а время летит и летит, проходит молодость. Русских газет почти не читаю. Кажется, у вас становится светлее".

В ЧИКАГО

1913—1914 гг.

Летом 1913 года он расстался со своим шалашом в Сеатле, отдав его одному китайцу, и двинулся „бродяжить" по направлению к востоку, в Чикаго, местами останавливаясь, подрабатывая и снова пускаясь в путь. Вот как он описывает сам это оригинальное путешествие 4/VII–1913 г.: „Проехал более 1100 миль от Сеатля. Ехал „на коне и под конем", на крыше вагонов и под вагонами. Нас было 6 человек, 4 потерялось, осталось двое. Дожидаясь долго товарного поезда, мы впали в меланхолию, и когда остановился экспресс, то зашли под вагоны на прутья. Железный конь мчал нас со скоростью 60 миль в час. Так мы проехали 200 миль. Русская тройка—детская забава по сравнению с экспрессом. 2 дня пришлось поголодать, а теперь удалось поступить на работу. Строили ветвь железной дороги. Через 2—3 недели двинемся на жатву, а там и на молотьбу".

Во время этого долгого путешествия, полного приключений и тревоги, по дороге В. М. основательно знакомится с американской жизнью, пишет корреспонденции в газеты. Осенью 1913 года приезжает в Чикаго.

„Тов. Лихачев оказался недюжинным агитатором,—пишет Н. Ратов, встретивший его в это время в Чикаго.—Агитаторских сил у нас почти не было. Их было гораздо больше у меньшевиков и бундовцев. Но те не могли подойти к серой, почти безграмотной массе крестьян от сохи. К тому же они в своих выступлениях пытались держать и организованную массу в прокрустовом ложе[1]) явно оппортунистической американской соц. партии. Поэтому, ясно, мы обрадовались приезду тов. Лихачева. А он в свою очередь своей уравновешенной, спокойной, общительной натурой произвел на нас сразу хорошее впечатление. Он поселился вместе с нами. Мы скоро приискали ему работу в качестве кочегара на одной ближайшей портняжной фабрике. Работа наша пошла дружнее. Для укрепления денежных средств отдела мы иногда устраивали своими силами спектакли, в одном из которых участвовал и тов. Лихачев. Постепенно сколотили библиотечку томов 300, книги выписывали из Петербурга. На лекции собиралось до 70 человек, преимущественно крестьян, но скоро помещение наше не смогло вмещать всех желающих, и мы перешли к устройству массовых митингов, которые проводили в особо снятом для этой цели зале. Для привлечения на митинг русских

[1]) Ложе мифического (сказочного) греческого разбойника Прокруста, который укладывал свои жертвы на свое ложе: если оно оказывалось коротко, он обрубал им ноги, если длинно — вытягивал их. Под выражением Прокрустово ложе подразумевается искусственная мерка, под которую насильственно подгоняют что-либо.

рабочих группа товарищей ходила по их квартирам. Таким образом почти все их адреса стали нам скоро известны. В этом районе жило свыше 3 000 русских. По квартирам мы распространяли летучки о предстоящем митинге, напечатанные нами на гектографе. Всю эту работу мы проделывали в свободное время после работ на фабриках и заводах. Темой митингов главным образом было: положение русских рабочих в Америке, политическая жизнь Америки, роль православной церкви среди русских рабочих, революционное движение в России, необходимость организоваться, о значении социалистического движения и т. д. На митинге собиралось от 200 до 300 человек. Тов. Лихачев вместе с нами постоянно участвовал в этой работе, помогая нам составлять каталог для библиотеки, печатать на гектографе, выдавать книги посетителям. Он выступал на митингах, лекциях, в спорах с анархистами и синдикалистами, которые укрывались в организованных под их влиянием русских отделах S. W. W. (индустриальных рабочих мира). Отдел наш укрепился, связь с иногородними отделами стала прочнее. Тов. Лихачев выезжал и туда. Так, мне помнится, он выступал на собраниях русских рабочих в городах: Мильоки, Рокфорд, Гери, Увайтинг. Мы перенесли свою деятельность и на улицу—устроили 2 уличных митинга, и второй из них (о 1-м мае) был разогнан полицией". Влияние этих митингов, на которых самым популярным и любимым оратором был В. М., сказалось позднее, после от'езда В. М. из Чикаго,—к началу империалистической войны ни попы, ни русский консул не могли вызвать патриотизма среди русских эмигрантов, и устроенный первыми митинг был легко сорван большевиками.

В начале весны 1914 года В. М-ча снова тянет „бродяжить". „Еще не знаю куда,—пишет он отцу 10/III—14 г.,—но всего скорее в страны, где говорят по-английски. Хотелось бы побывать в Индии. Все еще работаю физически, не хочется вновь превращаться в интеллигента, хотя представляется возможность. Приглашают в секретари русско-польского отдела одного крупного Юниона (союза). Эта работа потребует нескольких лет жизни в Америке, а я мечтаю отсюда уехать". И вскоре В. М. уходит опять пешком из Чикаго, подвигаясь на восток к Нью-Йорку и временами останавливаясь для отдыха и заработка.

В НЬЮ-ЙОРКЕ

1914 г.

Первой работой В. М. в Нью-Йорке была, как и повсюду, работа с молодежью русской колонии. Он организовал из нее кружок пропагандистов, которым сам же и руководил, при чем главное свое внимание обращал не на то, чтобы выработать из

них ораторов, умеющих говорить „по-ученому“, как это было до него, а чтобы молодежь научилась говорить простым, понятным массам языком и прежде всего хорошо усвоила себе те идеи, с которыми должна была выступать перед массой. Молодежь ценила и любила В. М. за эти беседы, за искреннее отношение к себе и называла его в шутку „папашей“. От руководства молодежью В. М. перешел к руководству всей рабочей массой. В вопросе о войне В. М. занял с самого начала ее возникновения правильную ленинскую позицию – „война войне“. Он выдвигался группой большевиков докладчиком на собраниях „Товарищества“ и удачно побивал своих оппонентов, меньшевиков и социал-патриотов. О том, какое сильное впечатление производили в то время его речи на рабочую массу, свидетельствует один из его учеников, Г. Бушков, воспоминания которого печатаются в дополнении к очерку.

В. М. принимал также самое деятельное участие в газете, издаваемой русской колонией в Нью-Йорке, „Новый Мир“, которая до него была всецело в руках меньшевиков. Статьи В. М., в отличие от статей старых русских колонистов, были интересны, просты и доступны самому широкому кругу читателя не только по темам, но и по изложению. С его участием тираж газеты сильно поднялся, и скоро она фактически перешла из рук меньшевиков в руки большевиков. Была избрана новая редакция, в которую вошли В. М. и большевики из группы молодежи. Кроме работы в самом Нью-Йорке, т. Лихачев выезжал, как докладчик от группы большевиков, и в близлежащие города. Так прошла зима 1914 г. В конце ее в Америке обострилась безработица. Рабочие и бесплатные работники „Нового Мира“ голодали и раз'езжались из Нью-Йорка в поисках работы. В их отсутствие газетой скоро опять завладели меньшевики. В. М. также остался без работы и ушел бродяжить, но, и не живя в Нью-Йорке, он живо интересовался жизнью „Нового Мира“. Вот что он пишет 23 августа 1915 г. из Квинзи заведующему конторой „Нового Мира“—А. С. Гомбарг: „Получил ваше письмо. Скитаясь по лесам и горам, я временно потерял интерес к мелочам повседневной „новомирской“ жизни и только теперь восстанавливается этот интерес. Прочел комплект „Н. М.“ за месяц и нахожу, что газета стала скучнее, бледнее, суше и правее. Мои знакомые латыши называют ее „беспозвоночной“, и мы должны сознаться, что такой эпитет не лишен доли остроумия и правды.

В лесу мне пришлось целый месяц прожить в кругу массовых русских эмигрантов, познакомиться с нашим таинственным читателем. Я с ним работал, пил, ел, спал, проводил свободное время в длинные, дождливые дни. По очереди рассказывали сказки, рассказы, воспоминания о „крае“ и т. д. Иногда читали. Меня, как более грамотного, избрали постоянным чтецом. 28 человек с глубоким интересом слушали Еруслана

В. М. Лихачев в Америке
1915 г.

Лазаревича [1]), и я его читал с увлечением, ибо понял, что богатыри, цари и вельможи, несмотря на свою пышность, говорят языком народа, смеются его смехом.

„Старуха Изергиль" Горького была непонятна и скучна для моих слушателей. „Нового Мира" получалось при мне номеров 10. Самостоятельно без моей помощи они читали только военные новости и отдел с родины и то не весь. Пробовал читать вслух передовицы и статьи; о наблюдениях на этот счет не буду распространяться, считая бесполезным. „Новый Мир" в Бостоне очень опаздывает и часто приходит днем позже, чем „Русское Слово". Напрасно вы не даете полномочий Янышеву [2]) наладить это дело. Он очень энергичен и, несомненно, прекрасный организатор. Живу я в Бостоне и в Квинзи. Пытаюсь достать работу в Квинзи. В денежном отношении из лесного путешествия ничего не вышло, в Бостон я приехал с 25 с. [3]) в кармане. Но зато я прожил целый месяц жизнью лесного бродяги. Бывал в таких диких местах, что негде было достать хлеба, питался ягодами и рыбой, которую ловил в озерах и лесных речках. Видел медведя, диких коз, оленей и пр. Жизнь в тесном общении с природой делает культурного человека менее мелочным и злобным, да и большую ценность имеет целый ряд острых ощущений, недоступных жителю города.

Если в Квинзи я не устроюсь, то, быть может, попробую поехать в Пенсильванию и поработать в шахтах. Во всяком случае имею возможность заехать в Нью-Йорк, так как есть бесплатный билет.

Так Сельдяков [4]) сидит на двух „черах"? [5]) Это возможно, иначе он должен был уже уйти из редакции.

Повидимому, Кулик [6]) возвратился. Право же лучший Новомирский писатель. Жаль, что прогнали Марию Николаевну [7]); неужели нельзя было уладить конфликт. Все-таки ее значение для газеты было в десять раз больше, чем Луполова, [8]) и однако это не было учтено.

Пока всего лучшего.

Пойду купаться. Быть может, завтра буду работать.

Привет всем товарищам.

Лихачев.

---

1) Русская былина, созданная народным творчеством—Е. Л.

2) Янышев—корресп. „Н. М." в Бостоне и лидер русской рабочей колонии; тов. Янышев вернулся в Россию в апреле 1917 г.—А. С. Гомбарг. М. П. Янышев убит в 1920 г. в бою с врангельскими бандами—Е. Л.

3) 25 с.—25 центов.

4) Сельдяков Иван—тогда член редакц. коллегии „Н. М."

5) На двух „черах" (англ.)—на двух стульях.

6) Иван Юлианович Кулик писал стихи и статьи в „Н. М."

7) Мария Николаевна—корресп. „Н. М.". из Западной Канады.

8) Луполов—зуб. врач Джемс, меньшевик, тогда член редакц. коллегии „Н. М." — А. С. Гомбарг.

В БОСТОНЕ

1915 г.

Осенью 1915 года В. М. приехал в Бостон, где прожил около 2 месяцев, работая вместе с местными русскими большевиками в клубе, служившем центром местной социалистической работы. О своей жизни в Бостоне В. М. пишет к А. С. Гомбарг:

„Я в некотором роде сел в калошу. Оказалось, что в Мейн еще холодно и работы не начались. Только вчера лишь отправилась первая партия. Платят только доллар в день при готовом содержании. Все же я бы уехал, если бы мои ресурсы не истощились. У меня было 5 долл. с центами, 2,55 я потратил на билет до Бостона, а остальные постепенно уходят на содержание. Таким образом, у меня нет возможности двинуться дальше. Если можете, пришлите 5 долл., нет — скажите Августу Ивановичу Вановскому [1]), чтобы он одолжил мне их; он наверное это сделает. Кстати попросите его в ящике комода отыскать мои рекомендации с последнего места и бросить их в чемодан.

Во вторник пришлось наблюдать, как на стэндах [2]) раскупалось „Русское Слово“, так как „Н. М.“ в этот день совсем не пришел. Бостонские товарищи стараются собирать подписку и деньги, кажется, не без успеха.

Здесь в Бостоне веду жизнь, похожую на Нью-Йоркскую, с той разницей, что центр своего пребывания с конторы „Н. М.“ переместил в социал. клуб. Вы, вероятно, получили посылку от моего имени для „царя“. [3]) В посылке дорогие страусовые перья. Когда „царь“ (моряк) придет за ними, сдерите с него в пользу газеты долларов 5—10. Это будет таможенный налог.

Местной организации я мало полезен, так как не могу выступать на улице. Кашель не уменьшается, а иногда даже увеличивается. При таких обстоятельствах я не рискую помогать Янышеву кричать на улице.

Огуза [4]) я могу прислать вам в любое время, хотя его от'езд сильно огорчит всю русскую колонию Бостона. Имейте в виду, что он не сердит даже на Бурлака [5]) и, значит, нет никаких препятствий, чтобы он околачивался в конторе „Н. М.“.

---

1) Август Вановский—товарищ В. М. по работе истопником.

2) „Стэнд“ (англ.)—газетный киоск.

3) „Царь“—русский моряк, плававший в Южную Америку, Африку и пр. „Царь“ во время войны несколько раз был на пароходах, потопленных торпедами немцев, но всегда спасался. Он был застрахован пароходной компанией и сделал „Н. М.“ своим наследником.

4) Огуз—рабочий, коллега В. М. по работе в Бостоне.

5) „Бурлак“—Б. Фрейман, тогда помощник заведующего конторой „Н. М.“—А. С. Гомбарг.

Я его присылаю немедленно же, если у меня ко вторнику не будет 5 д. до Нью-Йорка.

Д-р Огуз теперь весит на 10 фунтов больше меня и обладает большой физической силой.

Вот какие грозные силы против вас я в состоянии двинуть, если моя нота не будет иметь успеха и дипломатические сношения прервутся.

Привет всем.

Лихачев".

С. В. Дегтярев, живший в Бостоне с т. Лихачевым, так описывает свою встречу и работу с ним: „В. М. явился во всей красе... Без денег, оборванный, загоревший, но весело улыбающийся, полный впечатлений только что пережитых им приключений, которые он так мастерски умел рассказывать, что заражал своим настроением и всех нас. Мы в Бостоне с самого первого дня войны, еще до получения большевистской литературы, заняли интернациональную линию по отношению к войне. Явившись к нам, В. М. помог нам более углубленно разобраться в этом вопросе.

М. П. Янышев помог ему устроиться на работу сверлильщиком на судостроительных верфях, где строились морские и океанские пароходы, дредноуты и подводные лодки. Я поступил работать на те же верфи болтером. Работа наша была тяжелая, грязная, опасная, ужасная, особенно зимой. Нужно было каждый день путешествовать из Бостона к месту работы верст за двадцать на трамваях с пересадками. Затемно выезжали из квартиры и ночью возвращались грязней трубочистов. Часто из-за дурной погоды совсем нельзя было работать, и приходилось возвращаться, прокатившись понапрасну. Охраны труда не было никакой. Леса и подмостки примитивные, на живую нитку, смертоносные... Почти каждый день кто-нибудь убивался, слетев с лестницы или подмостков, или будучи придавлен, ушиблен чем-либо. И всегда наготове были сотни эмигрантов, горевшие желанием занять место товарища, выбывшего из строя. На работу же принимали только после тщательного медицинского осмотра, только крепких и здоровых... Работали 9 часов, зарабатывали около 12 долларов в неделю, если не было прогульных дней. Как живая встает перед глазами солидная сутуловатая фигура В. М.,—как он, серьезно улыбаясь и скашивая глаза, взваливает тяжелую сверлильную электрическую машину с хвостом-проводом на плечо, в грязном, рваном коверкоте, верхнем американском рабочем костюме, шлепает по грязному ярду—двору верфи, а потом карабкается по вертикально торчащей лестнице на верх, пробирается по перекладинам к месту сверления. Особенно трудно на подводных лодках, где приходится ползать, карабкаться и пролезать по дырам на манер кошки. К сверлению В. М. относился серьезно

и вдумчиво, всегда старался выдумать какие-нибудь хитроумные приспособления, чтобы ускорить и облегчить чортову работу. А кругом одна холодная сталь и железо, и сырость, слякоть, грязь или снег... Но В. М. не унывал,— чем трудней, тем для него забавней... Встречаясь на работе со знакомыми товарищами, он обменивался с ними шутками, прибаутками и хвастался своими успехами в деле сверления. И никаких насмешек... Шутя обращался он с администрацией, настойчиво пытаясь из'ясняться по-английски. Язык нам не давался... Русских выходцев на верфях работало несколько сот человек и почти все на дворе, на наружных работах, самых трудных. В. М. пользовался всякими случаями просвещать своих соотечественников. Во время дороги на работу и с работы, в час обеда и даже во время работы он всегда готов был завязать беседу с земляками. Исходя из условий нашей жизни и работы, он делал обобщения и политические выводы, рисовал картины, как это все будет при социализме, когда не будет класса эксплоататоров и вообще деления людей на классы, на паразитов и рабочих, указывал на необходимость учиться и организовываться. Грязные, усталые, возвращаясь домой с работы ночью, часто мы устраивали в трамвае шумные и горячие беседы на удивление ничего непонимающих по-русски и вообще ничего непонимавшей остальной культурной публики. Всех выходцев из России янки звали „плак" (поляк) и третировали их, как скот, тогда как на самом деле по классовой сознательности русские рабочие несравнимо выше американских. Несмотря на такую египетскую работу, В. М. находил силы еще работать и в социальном отделе, читал доклады в Бостоне и его окрестностях. Кроме того, тов. Янышев имел обыкновение устраивать накануне праздников на улице, около салунов, в русской части города уличные митинги. Он брал стул в какой-нибудь лавочке, выносил на улицу, забирался на него и начинал речь, окруженный нашей кучкой. Скоро около нас образовывалась толпа... Тогда выступал В. М., знакомя неорганизованных рабочих с социалистическим движением, текущим моментом и зовя к организации, раз'ясняя империалистический характер войны. Сам М. П. Янышев душой и телом был предан рабочему движению, но не имел основательной теоретической и партийной подготовки. Он многому научился у В. М. Бывали мы с В. М. и на собраниях левых латышей, с которыми мы поддерживали живой контакт. Около этого времени он женился и стал одеваться поприличнее. Помню, как мы с ним у него на квартире вырабатывали резолюцию по поводу пересмотра платформы в американской партии. Мы заняли левую позицию, сочинили резолюцию, попросили тов. Левина (брата его жены) перевести на английский язык и отправили ее в центр. Что с ней сталось дальше, не знаю. Когда устраивались спектакли или вечеринки для сбора денег в пользу партийной организации

или ссыльных и заключенных, В. М. и тут принимал самое активное участие, выступая и докладчиком, и артистом, и хозяином. Сотрудничал он в „Новом Мире“... Помню его статью о религиозном дурмане за подписью „Лапатон“. Вообще он поддерживал связи с Нью-Йорком и др. городами. С началом весны устраивали по воскресеньям выезды за город на лоно природы всем отделом с женами и детишками. И здесь он бывал душой нашего общества, делал краткие доклады, поддерживал дискуссию за закуской; как медвеженок возился с детишками, таскал их на руках и забавно беседовал с ними. Детишки платили ему взаимностью... Все товарищи любили его за мягкость и гуманность характера, за простоту обращения и терпимость при большевистской выдержанности мировоззрения. Так он скрашивал нашу тяжелую и неуютную эмигрантскую жизнь“.

Перед своим от'ездом из Бостона В. М. пишет А. С. Гомбарг:

„Не можете ли вы сказать что-либо о судьбе моего чемодана. Его должен был принести в контору „Н. М.“ мой коллега по прошлогодней работе—Август Вановский. Становится холодно, мой кашель прогрессирует, а по обыкновению я беден, как турецкий святой; все это заставляет вспомнить про багаж, про красный сведер [1]) и пр.

Вы, конечно, прыгаете, вертитесь, не знаете иных забот, иных печалей и радостей, кроме новомирских. Хвала Аллаху. Да поможет он вам. Мои летние тремповские [2]) настроения проходят, и теперь я полон желаний устроиться на зиму. Жаль, что я почти никогда не возвращаюсь в тот город, где я уже жил, а то мой прошлогодний теплый „джаб“ [3]) теперь был бы подходящ....

Привет Менсону [4]), Фриману [5]), Ролинато [6]) и пр.

Черкните открытку. С приветом Лихачев“.

В Бостоне В. М. женился на Раисе Савельевне Левиной. Как у большинства старых подпольщиков-большевиков, у В. М. на первом плане жизни была общественная, революционная работа, а затем уже личная, семейная.

Свой взгляд на семейную жизнь В. М. высказывает в письме из Америки к сестре от 4/VII—1914 г. по поводу женитьбы своего брата: „Итак, Гриша женится. Жаль, что он маловато зарабатывает. Впрочем, это не беда. Оба молодые, оба работают. Вообще это не плохо. В своей скитальнической жизни

---

[1]) „Сведер“ (англ.)—шерстяная рубашка.
[2]) „Тремповские“ (англ.)—бродяжные.
[3]) „Джаб“ (англ.)—работа.
[4]) Менсон—Александр Минкин, завед. типографией Н. М. и член правления и редакц. колл. его.
[5]) Фриман—Борис Фрейман.
[6]) Ролинато—И. Ю. Кулик.—А. С. Гомбарг.

мне много приходилось видеть людей. И я пришел к заключению, что семейные люди живут лучше, чем холостые. В России люди могут позволить и позволяют роскошь ранней женитьбы. В Америке почти никогда. Борьба за существование сурова и заставляет быть осторожнее. Здесь часто жених и невеста ждут года, а затем уже сходятся".

10-го декабря В. М. пишет А. С. Гомбарг уже из г. Квинзи, находящемся близ Бостона: „Ну, удивили же вы меня. Кто же теперь в „Н. М." вместо вас? Все же, думаю, первое время вам скучновато. Насколько я понимаю, в „Н. М." вы работали, так сказать, не за страх, а за совесть, и сама работа вас интересовала. Не думаю, что новый „джаб" был в этом отношении такой же.

Я работаю в Квинзи. Устаю, живу при самых скверных условиях, не имею отдельной комнаты, ничего не читаю, не пишу и день ото дня тупею. Здесь мне, действительно, надоело, и я не прочь переехать в Нью-Йорк. Но какую работу там достать? Если бы мой прошлогодний „джаб" был не занят... Здесь я зарабатываю 25—30 с. в час, но работа опасная, особенно при моей ловкости. Случайно узнал, что в „Н. М." произошла идейная передвижка. Говорят, Сельдяков и Эллерт [1]) стали плехановцами. Это довольно любопытно.

Средние, рядовые члены наших отделов нормально развиваются, и если у кого-либо раньше был налет патриотизма, то теперь уже исчез. А вот наши лидеры день ото дня балдеют. Хотел бы на Крисмус [2]) приехать к вам в гости. Да нет денег. На этот счет у меня все по-старому: работаю или нет—все равно денег нет.

Да, еще новость, кажется. Я женился. Однажды я стал стричься. Парикмахер показал мне затылок в зеркале, и я увидел, что размер моей лысины сильно увеличился. Тогда я сказал: пора жениться, и женился.

Посмотрите на свою лысину—не пора ли то же самое сделать и вам.

Пока всего лучшего.

С приветом

Лихачев".

Из Квинзи В. М. ездил в Нью-Йорк, как участник происходившей там конференции русских отделов Американской социалистической партии. На первом собрании этой конференции он сделал доклад „О положении русского рабочего в Америке". К этому времени здоровье В. М. уже сильно пошатнулось; сильный бронхит часто мешал ему выступать на уличных митингах, на конференции он производил впечатление совсем

---

1) Эллерт—Иван Накаряков, тогда секр. редакц. коллегии „Н. М."

2) „Крисмус" (англ.)—Рождество.—А. С. Гомбарг.

больного, опухшего, с серым лицом. После конференции он ушел вновь бродяжить—ходил в Канаду, жил в лесу [1]).

Зиму 1915 года прожил в Бостоне, работая в социалистическом отделе. Часто болел.

В ФИЛАДЕЛЬФИИ

1916 г.

В 1916 году В. М. уехал в Филадельфию и работал там сначала в пригороде Честер на заводе по изготовлению военных снарядов, а оттуда вскоре переехал в Филадельфию, где находилось управление этого завода.

О своей жизни в Филадельфии В. М. пишет А. С. Гомбарг:

„Перевели меня из Честера в Филадельфию. Изображаю теперь большое начальство. Вот вы бы посмеялись, если бы слышали, как я веду деловые разговоры на английском языке.

Живу теперь близ парка и реки. Пора бы вам воспользоваться случаем (вы теперь имеете бесплатный билет по ж. д.) и приехать ко мне. Приезжайте во единую из суббот (я в субботу кончаю работу в 12 ч.) и пробудете до 10—11 часов воскресенья.

После первого перешлю 5 долл., которые должен вам. Представьте себе, у меня еще нет денег, и только после первого предполагаю разделаться со всеми долгами и начать копить деньги на дорогу в Россию.

Имею теперь сносные условия работы и жизни, а хочется бросить, закатиться куда-нибудь бродяжничать...

Но... я этого, конечно, не сделаю. Да, жене нужна пишущая машинка с двумя шрифтами: английским и русским; не можете ли указать, где я могу достать на прокат. Если можете, напишите, пожалуйста, немедленно.

Ну, как вы там преуспеваете с „Н. М.“? Пожалуй, не очень в ладах. Состоите ли теперь в правлении?

Пока всего лучшего. С приветом

Лихачев.

P. S. Привет всем товарищам. Привет мисс Мот“.

В Филадельфии В. М. вместе с переехавшим туда из Нью-Йорка С. В. Дегтяревым вновь организует развалившийся социалистический отдел, снимает помещение и устраивает так же, как и в Бостоне. „И здесь В. М-чу приходилось и направлять работу брэнча, и выступать с докладами и на партийных и на беспартийных собраниях, и в помещениях и на улицах, и в городе и в окрестностях, в рабочих районах. Когда выступали меньшевики или социал-патриоты, В. М. мило, но серьезно

[1]) Из воспоминаний А. Меньшого.

и беспощадно сек, как он сам выражался, и талмудистов-начетчиков, боявшихся революции, и предателей социал-патриотов. Иногда устраивали общее собрание с литовцами, эстонцами, латышами. Выступал в то время Володарский. Вообще в Филадельфии организовалось крепкое ядро интернационалистов, был хороший кружок рабочей молодежи, которая особенно любила Вас. Мат. Когда социал-патриоты пытались устроить собрания для неорганизованных рабочих, то стоило только выступить нашим, и они проваливались, и почти единогласно принимались наши резолюции. К своим докладам В. М. относился всегда очень серьезно, вырабатывал тезисы и иногда советовался перед выступлениями с более близкими товарищами. Такого подхода к этому делу редко было встретить у других. Принимали мы и непосредственное участие в жизни локала, т.-е. всей городской парторганизации. Мы своей группой являлись на общее собрание американских товарищей и старались не без успеха проводить свою левую линию. Мы почти все не владели английским языком. От нас обыкновенно выступал тов. Минкин (впоследствии был секр. МК). Мы же заряжали его и поддерживали голосованием и аплодисментами. В. М. бывал центром нашей группы. Иногда по-приятельски мы собирались на квартире того или другого товарища, чаще всего у товарища Лихачева для непринужденной беседы обо всем на свете... „кота побрить", как говорил В. М. (по „Мелкому бесу"). На заводской работе попрежнему был добрым товарищем. Осенью приехал т. Бухарин с т. Чудновским. Левая циммервальдская усилилась. Потом прибыл т. Троцкий. Встал вопрос о захвате редакции „Нового Мира" и передаче ее Бухарину. В. М. и тут оказал свое содействие, свезя нас в Нью-Йорк на перевыборы редакции. Старых хозяев убрали, и газета стала выдержанной. В этот момент Америка готовилась вступить в войну. Мы усилили агитацию против войны вообще и против выступления Америки в частности... Устраивались везде демонстративные митинги... И конечно, выступал В. М., хотя уже тогда за такое выступление брали за шиворот и бросали в тюрьму" [1]).

В 1916 году в Филадельфии Василий Матвеевич начинает уже основательно готовиться к от'езду в Россию. Революционизирующее влияние империалистической войны на Россию и возможность своего возврата В. М. учитывал еще гораздо раньше. Так, в октябре 1914 года он писал родным:

„Сегодня работал маляром на набережной реки Гудзона. С высоты семи этажей прекрасный вид на реку, и меня потянуло ехать в Россию, на родную Волгу. Пожалуй, после окончания войны вы можете ждать меня в гости".

---

[1]) Воспоминания С. В. Дегтярева.

В конце 1916 г. В. М. получил из России письмо о болезни отца. 27/XII 1916 г. он пишет домой: Получил от Лили [1]) письмо с печальной новостью о болезни папаши. Послал телеграмму и теперь со дня на день жду ответа. Я надеюсь все же, что мы еще увидимся. Пишите, пожалуйста, все подробнее. Мне ведь необходимо знать. Мы далеко друг от друга и, быть может, уже несколько отвыкли, но общая любовь к папаше и мамаше должна нас сближать. Пусть напишет Зоя [2]). После войны я надеюсь приехать в Россию. Мне уже надоело таскаться на чужой стороне. До апреля буду жить в Филадельфии. В настоящее время я недурно зарабатываю, жена тоже, но в апреле эта работа кончается. У меня попрежнему сильный кашель, но лечиться откладываю до лета. Я бы хотел знать, получили ли вы деньги (150 р.), посланные мной по телеграфу месяц тому назад.

Мамаша требует теперь большого внимания, и вы все, вероятно, делаете все, чтобы угодить ей".

Вести о падении царизма в России пришли в Америку 15/III 1917 года, и через 2 недели с первым отходящим пароходом В. М. с группой товарищей едет в Россию. По дороге англичанами были арестованы и сняты с парохода тт. Троцкий, Мельничанский, Чудновский, Мухин и Романчук. Никакие протесты их и оставленных на пароходе товарищей не помогли, и после совместного обсуждения создавшегося положения было решено оставленным на пароходе продолжать путь до Петрограда, а оттуда заявить протест через газеты.

По приезде в Петроград В. М-чем, Восковым и Бычковой было написано письмо, напечатанное в „Социал-Демократе" № 28 от 12/IV—1917 года и также в № 28 Петроградской газеты „Правда". Привожу текст письма полностью:

Уважаемые товарищи!

Позвольте нам, приехавшим из Америки, огласить следующуй факт.

Как только известие о русской революции дошло до Америки, активные работники русского революционного движения сейчас же собрались двинуться в Россию. Первое время русское консульство не выдавало удостоверений, и под давлением рабочих за два-три дня до ухода единственного парохода нейтральной страны „Христиания — Флора" только кое-кому удалось выхлопотать удостоверения и достать билеты, а громадное большинство вынуждено было избрать длинный

---

[1]) Сестры В. М-ча.
[2]) Сестра В. М-ча.

и дорогой путь через Японию, или неопределенное время ждать.

Все суда, выходящие из Соединенных Штатов, контролируются Англией и должны заходить в канадский порт Галифакс.

Для шведов, американцев, норвежцев проверка документов — лишь пустая формальность. Все внимание сосредоточивается на нас, русских. И допрос сосредоточивается не на удостоверении личности, а носит характер жандармского русского допроса. Спрашивают — не социалист ли, каких убеждений, в каких рабочих организациях участвовал и т. д. Через два дня новый допрос и уже по выбору. А еще через день явился отряд вооруженных солдат и, не предъявив обвинения, арестовал Троцкого, Мельничанского, Чудновского, Мухина, Фишелева [1]) и Романчука.

Товарищи наши заявили, что арест не законен, и тогда повторилась знакомая для русского революционера картина. Товарищей схватили за ноги, за руки и поволокли в лодку... Оставшиеся протестовали, заявили, что английское правительство действует совместно с Романовым. Но английские чиновники действовали уверенно и только смеялись над нами. Повидимому, они за эти три дня спелись с Лондоном и, может быть, также с Петроградом.

Мы попытались послать сообщение об этом насилии в Нью-Йорк, но цензура не пропустила его. В пути пробовали снестись по беспроволочному телеграфу, но напуганный капитан отказался принять эту телеграмму.

Путь был опасен, — всего в нескольких милях от нас потоплено было два судна (на одном погибли эмигранты из Англии). Таким образом, мы, политические эмигранты, пробирались между подводными разбойниками — немцами, надводными — англичанами.

Куда пойдешь, кому пожалуешься?

В. Лихачев, С. Восков, Анна Бычкова.

Помещая это письмо, редакция „Правды" пишет:

„Сообщение, которое мы печатаем выше, передано нам тремя товарищами эмигрантами, только что прибывшими после долгих мытарств из Америки. Из чувства солидарности эти три товарища хотели остаться с арестованным Троцким и другими коллегами, но Троцкий и его друзья попросили подписавшихся поехать в Петроград,

[1]) Фишелев — анархист, жил в Америке под фамилией Петровского.

чтобы оповестить рабочих о расправе английских империалистов. Трудно сохранить спокойствие, читая это сообщение о зверствах, чинимых „союзниками“ г. Милюкова над борцами российского рабочего класса.

Товарищи! Для того ли свергли вы царя Николая II, чтобы позволить теперь приказчикам английских банкиров арестовывать ваших товарищей, ваших братьев?.. Английские рабочие-интернационалисты, мы надеемся, в свою очередь достаточно серьезно поговорят со своим правительством по поводу описанного безобразия“.

V

ОПЯТЬ В РОССИИ

Претерпев ряд мытарств по дороге из Америки в Россию, т. Лихачев с первой группой эмигрантов приехал в Петроград приблизительно в начале апреля 1917 г. На всероссийской партконференции, состоявшейся в Петрограде в апреле 1917 г., он встретился с московской делегацией и вскоре после конференции был вызван Московским комитетом на работу в Москву.

В. М. Лихачев по возвращении из эмиграции. 1917 г.

С тех пор т. „Влас“ до конца своей жизни работает в Москве, отдавая Московской организации все свои силы и способности. В 1920 году ЦК намеревался послать его на работу в Ташкент, но против этого протестовал как Московский комитет, так и лечивший его врач, и он остался в Москве.

Вскоре после переезда „Власа“ в Москву приехала из Америки его жена — Раиса Савельевна, которая стала работать также в Москве, как член нашей партии. В Москве у них родился сын Миша. Отношение к сыну у „Власа“ было самое нежное. В одном из писем к родителям он пишет из Москвы: „Миша вырос, здоров, играет и рассказывает сказки. Проказник и выдумщик ужасный“.

В другом письме он извиняется, что долго не писал: „На работе некогда, дома — утром вожусь с Мишкой, вечером прихожу поздно. Мишутка ужасный болтунишка и шалунишка. Говорит целый день, всюду лазит и только и думай, как бы что-нибудь не стащил. В 7 ч. утра забирается ко мне на кровать и требует, чтобы с ним играл. Раиса Савельевна больна — лежит в больнице".

В МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ

1917 г.

„Влас" приступил к работе в Московской организации приблизительно с мая — начала июня 1917 г. Нужно сказать, что здоровье его тогда было в плохом состоянии. Врачебное свидетельство, выданное 25 июня 1917 г., констатирует хронический порок сердца, развившийся после перенесенного 15 лет тому назад суставного ревматизма, часто повторяющийся бронхит и отек на стопах. Этим болезненным состоянием об'ясняется то, что некоторые знавшие его по Америке товарищи не узнают американского Лихачева в московском, казавшемся им „отяжелевшим, усталым, малоразговорчивым".

Тем не менее ни лечиться, ни отдыхать было некогда. Партия переживала горячее время борьбы с керенщиной, работы было много и самой напряженной, а опытных работников не очень много.

Московский комитет партии был избран впервые после Февральской революции на общегородской конференции 3—4 апреля 1917 г. Так как Московская организация росла с каждым днем и не во всех 12 районах одинаково, то было определено, что каждый район (районное партийное собрание) посылает пропорционально количеству своих членов в МК. Таким образом, тов. Лихачев был делегирован в Московскмй комитет от железнодорожного района. Войдя в МК, т. Лихачев был избран секретарем его. Членов МК было много, но в самом комитете работал лишь один секретарь. Несмотря на то, что Московская партийная большевистская организация с каждым днем все расширялась и расщирялась — ячейки были организованы в мастерских, заводах, на фабриках, в учреждениях, комфракции уже имелись в Московском Совете и его исполнительном органе, в районных советах и их исполнительных органах, в Московском Совете профсоюзов и в отдельных союзах, входивших в профсовет и фракции, приблизительно в 16 чел., в Городской Думе — аппарат МК, если не считать аппарата конторы ежедневного партийного органа „Социал-Демократ", состоял из трех товарищей, включая сюда и секретаря МК. Аппараты в районах Московской организации были не больше

аппарата МК. К этому надо добавить, что транспортных средств не имелось ни в МК, ни в районах, и телефонная сеть была тоже очень мизерна. И несмотря на вышеуказанное, Московская организация чрезвычайно удачно проводила от февраля до октября под руководством МК при энергичном и умелом участии его секретаря тов. Лихачева след. кампании: кампании займа „Свободы" Керенского, предмайскую подготовку (при чем за нашей партией в этой демонстрации пошел почти весь рабочий класс Москвы), выборы в Городскую Думу, июньские демонстрации, митинги (порайонно), на которых почти везде МК провел свои резолюции, несмотря на то, что в этих демонстрациях и митингах участвовали с.-р. и меньшевики, и, наконец, была проведена июльская демонстрация (во время июльских дней в Питере) при очень тяжелых условиях, когда меньшевистский и с.-ровский совет и вся мелкая и крупная буржуазия были против нашей организации и против нашей демонстрации. Хорошее руководство и хорошую организацию познают не только во время побед, но главным образом во время поражения, во время упадка революционного настроения в массах. После июльского поражения, когда вся буржуазная и эс-эровская и меньшевистская печать обливала нашу партию грязью, обвиняя в том, что мы немецкие шпионы, Московская организация сузилась, в ней осталась лишь самая сознательная часть рабочего класса Москвы, но с еще большей энергией она — Московская организация — боролась на заводах и фабриках против меньшевиков и с.-р. под руководством МК и его секретаря тов. „Власа".

Уже в августе 1917 года Московский комитет мог провести крупную забастовку против московского демократического совещания и мобилизовать весь рабочий класс Москвы против похода Корнилова. С этого момента Московская организация не только возвратила к себе доверие рабочих Москвы, которое оно имело до июльских дней, но она уже стала организацией большинства рабочих и солдат Москвы. Надо отметить немаловажный факт того времени: вся Московская организация от ячейки и фракции до Московского комитета работала дружно, несмотря на то, что внутри самой организации и в МК были разные оттенки в темпе революционной работы. Дружно, в контакте со всей Московской организацией работала наша тогдашняя тяжелая артиллерия, наш набат — „Социал-Демократ" [1]). Тов. „Влас" был активным участником всех исторических событий 1917 года, в которых большевики играли исключительную роль. В июне он, как секретарь МК, проводит подготовку к VI полулегальному с'езду партии, состоявшемуся в июле — августе 1917 г. в Петрограде. В июле, когда „Соц.-Демократу" грозила участь прекратить свой выход в виду

[1]) Восп. О. Пятницкого.

отказа типографии его печатать, МК была предпринята кампания по сбору фонда на приобретение собственной типографии. Эта кампания встретила сочувствие рабочих и солдатских масс — и в фонд типографии было собрано до 150.000 р. [1]).

После июльских событий большевики подверглись ряду репрессий со стороны Временного правительства и ЦИК Советов; одной из этих репрессий было запрещение большевикам посещать казармы. С целью выяснения этого вопроса М. К-т послал в межпартийный центр делегацию, в которую вошел т. Лихачев вместе с тт. Ярославским, Осинским, Казаровым и Ломовым.

На заседании МК от 2 октября 1917 года избирается исполнительная комиссия МК в составе 5 лиц: Ильи, Пятницкого, Лихачева, Землячки, Борщевского [2]).

На общегородской Московской конференции 3 октября 1917 г. по вопросу о кандидатах в Учредительное собрание секретарь МК т. Влас говорит: „Вопрос этот срочный. Обязательно сегодня нужно наметить кандидатов. МК руководствуется следующими принципами: нельзя ослабить организации на местах и послать все крупные силы. Учредительное собрание может иметь значение только тогда, когда оно опирается на широкие массы. Нужно посылать таких, которые могли бы составить крепкое ядро и отстаивать наши интересы“ [3]).

На заседании МК 7 октября 1917 г. утверждается предложенный тов. Власом проект избрания комиссии по выборам в Учредительное собрание.

Последняя кампания, которую МК провел под руководством тов. Власа, были выборы в районные Думы, где наша партия получила 52% всех поданных голосов. После выборов тов. Влас перешел на работу в Красно-Пресненскую районную Думу.

Вот как описывает один из участников октябрьского восстания то впечатление, которое Влас производил на товарищей в памятные дни октябрьских боев: „Сидим в Московском Совете, несколько дней не спали. У большинства движения нервные, вид возбужденный. Появляется Влас; пробрался из Хамовников. Как всегда, спокоен, невозмутим. С характерной усмешкой острит. Не знаю, как на других он подействовал, но я подтянулся“ [4]).

Историческое заседание МК 25 октября 1917 года, в порядке которого были вопросы: о боевом центре Совета, о боевом центре партии и об отношении к президиуму Совета — проходит

---

[1]) „От февраля к октябрю“ — стр. 143, Восп. М. Розенштейн. Изд. „Н. М.“ 1923 г.
[2]) Протокол заседания МК от 2 окт. 1917 г.
[3]) Протокол заседания МК от 3 окт. 1917 г.
[4]) Восп. Г. Голенко.

под председательством Власа. По первому вопросу „Влас" говорит: „Аппарат нужно немедленно создать. С перевыборами уйдет много времени; по мере событий и перевыборы пойдут, так как сила за нами. Необходимо выработать проект боевого органа; в начале он будет несовершенным, но по мере действий он оформится". МК вынес постановление, согласно предложения тов. „Власа", поручить совету фракции создать немедля боевой центр Совета.

Как в дни Октябрьской революции, так и после нее т. „Влас" занимал в партии позицию наиболее выдержанного большевизма; в начале ноября 1917 г. на об'единенном собрании МК, Областного Бюро и Окружного Комитета партии по вопросу о составе правительства тов. Лихачев выступает против предложения тов. Пятницкого образовать демократическое правительство из состава социалистических партий. Он считает вредным образовать правительство из правых социалистических партий, которые будут саботировать и мешать работать. Власть должна быть ответственна перед Советом и составлена только из интернационалистов. К этому предложению присоединяются тт. Владимирский и В. Н. Яковлева, и оно принимается[1]).

В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ

1918—1923 гг.

В 1918 г. Московская партийная организация ставит т. „Власа" во главе Бюро Совета районных Дум, сменивших старую управу. В Бюро ему пришлось заменить председателя Бюро, М. Ф. Владимирского.

На другой день после стихнувших боев на улицах Москвы, означавших победу пролетариата, перед последним и его авангардом—большевистской партией встали новые задачи—задачи управления страной и ее разрушенным хозяйством. „Партия должна уметь быть гибкой", учил нас Ильич—и в незабываемые первые годы существования Советской Республики Труда партия доказала, что она может быть такой. Доказали это и ее отдельные члены.

Мы видим, как бывший Карась, Петруха, Лука, Трофим и Лапатон, всегда занимавшийся до того агитацией, пропагандой, организацией и никогда не бывший ни администратором, ни хозяйственником, работает сначала во главе Московского хозяйства, затем во главе Московского Городского Управления, во главе Московского Кооперативного Об'единения и, наконец, во главе Московского Совета Народного Хозяйства. Вся

---

[1]) Из протокола заседания МК, О. Б. и Окр. К-та в начале ноября 1917 г.

эта работа не вяжется ни с его прошлым, ни с его характером, но... партии нужны были администраторы и хозяйственники, и он не возражает. Его любимым выражением было, когда товарищи удивлялись, как он мог справляться с такой несвойственной ему работой: „Если партия прикажет, и акушером заделаешься". И он был на самом деле акушером как при рождении двух пролетарских революций—1905 и 1917 гг., так и при рождении новой Советской России. И во всех этих ролях оправдал надежду пославшей его партии, показав в работе такие качества, которые не так заметны были в нем раньше и как раз актуально необходимыми оказались в момент начала советского строительства.

Дума являлась в то время одним из оплотов юнкерской белогвардейщины. „Влас" взялся за налаживание полуразрушенного коммунального хозяйства, встретив сначала открытый саботаж со стороны персонала высших служащих, руководимых меньшевиками и эс-эрами; затем саботаж перешел в скрытую форму и принял затяжную острую форму борьбы с революционной Советской властью. Товарищи, встречавшие на каждом шагу своей работы препятствия всякого рода, нервничали. И здесь В. М. своей твердой большевистской закалкой вносил в работу ту уравновешенность, которая была так необходима; своей верой в пролетариат вливал в окружавших его товарищей новые силы для дальнейшей борьбы. „Он почти не выдавался из общей массы революционеров-пролетариев, не был мастером ораторства, до невозможности скромный человек, но в то же время был одним из крупнейших организаторов нашей партии, рабочих масс, пролетарского государства"[1]).

После думской работы „Влас" перебрасывается заведующим административным отделом Московского Совета. Здесь, в доме бывшего градоначальника на Тверском бульваре, он работает с утра до 2—3 часов ночи, и также вместе с ним работают все его сотрудники. Обстановка работы была там, как и повсюду в зиму 1918 года, самая тяжелая—было так же, как и в других домах, холодно, мрачно и неуютно. Но и при таких обстоятельствах выносливый, нетребовательный к внешним удобствам тов. Лихачев умел создать дружескую товарищескую теплоту взаимоотношений, а в короткие минуты отдыха развлечь работников своими интересными рассказами из своей прошлой жизни.

В 1919 году из административного отдела Московского Совета Василий Матвеевич был переброшен ЦК в Московское Коммунальное Хозяйство—в отдел советских предприятий. Это был как раз момент реорганизации коммун. хозяйства, момент кооперативного строительства, когда продовольственный отдел

---

[1]) Из воспоминаний И. Л. Гапсевича.

Московского Совета, Губсоюз и Центральный Рабочий Кооператив сливались в единое Московское Потребительское Общество. Председателем этого последнего В. М. был до 1921 года.

Дело широкого снабжения населения Московской губернии продовольствием и предметами первой необходимости было чрезвычайно затруднено острым недостатком хлеба и транспортной разрухой. Надо было изыскать продукты, заменяющие хлеб, надо было в первую очередь подвезти для населения имеющийся хлеб. Василий Матвеевич один из первых дал движение делу сбора на местах собственных поездов. Наладив правильное получение продуктов потребления, нужно было затем организовать и правильное распределение их. Концентрация снабжения в одном учреждении—МПО имела при тех условиях колоссальное значение. С этой сложной задачей об'единения и дальнейшего развития дела снабжения МПО под руководством тов. „Власа" вполне справилось.

22 июня 1920 года „Влас" на пленуме Московского Совета, правлений профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и коллективов советских служащих по текущему моменту, всецело связанному с деятельностью МПО[1]), делает доклад, который дает ясную картину тех трудностей, которые переживало хозяйство Советской России в 1920 году, и той громадной ответственности, которую нес председатель МПО—В. М. Лихачев. Всегда уравновешенный, несмотря на чрезмерные занятия, „Влас" отличался тем, что не только хорошо понимал свою ответственность, но он ее и не боялся.

Кто из специалистов того времени не помнит, при каких неопределенных условиях приходилось работать и как было важно в работе опираться на признанный авторитет[2]). Таким авторитетом был тов. „Влас". В работе он не был формалистом, если интересы дела этого не требовали, но был беспощаден там, где обнаруживалась личная заинтересованность кого-либо из сотрудников МПО. „Власа" заставали товарищи на работе и утром, и днем, и вечером, помимо бесчисленных заседаний, которые продолжались обычно далеко за полночь. Он не только никогда не жаловался на свое здоровье, но всегда старался освободиться от всех работ, чтобы принять участие в „субботниках", где обычно выбирал себе самую тяжелую работу, оставляя более легкую для молодняка[3]). А в то время сердце у него было больное,—при под'еме он задыхался.

Отзывчивость „Власа" к сотрудникам МПО была поразительна: он всегда находил средства и способы если не помочь,

---

[1]) Стенографический отчет МСР и КД, № 8 и № 10 за 1920 г.
[2]) Восп. М. Григорьева.
[3]) Воспоминания тов. Гапсевича.

то хотя бы облегчить их нужды. Среди сотрудников МПО было много если не меньшевиков, то сочувствующих им. И их В. М. умел заставить не только слушать себя, но и внимательно относиться к своим словам[1]).

В 1921 году тов. „Влас" находится во главе МСНХ, как его председатель.

Промышленность только начинала восстановляться, и первые шаги ее были неимоверно трудны—большинство фабрик и заводов стояло, а те, которые работали, испытывали всевозможные затруднения. Перед МСНХ стояли сложные и трудные задачи: организация управления промышленности, персональный подбор управляющих, снабжение фабрик и заводов орудиями производства и сырыми материалами и пр. и т. п. „Влас" „неустанно работал над решением этих вопросов, вовлекая в это дело и своих помощников и весь руководящий персонал предприятий. Под его руководством проводится работа по трестированию московской промышленности, массовый пуск в ход фабрик и заводов. Он сумел сколотить крепкую группу коммунистов-хозяйственников, подобрать работников и руководить ими, заражая их своей неиссякаемой уверенностью в том, что и при самых тяжелых условиях можно делать огромные достижения; он умел поощрять товарищей, выдающихся на работе, умел журить за промахи и недочеты в работе. Тов. Лихачев пользовался большим уважением и авторитетом у хозяйственников. Он часто вызывал к себе руководителей трестов, подолгу беседовал с ними, выяснял, как протекает работа, давая распоряжения, указания, советы. В шутку его называли „папашей", но он и на самом деле был рачительный и старательный хозяин промышленности. Требуя усиленной работы с сотрудников, он старался создать благоприятную обстановку для их работы. В. М., как революционер, широко сочетал свою повседневную работу с общими мероприятиями партии по управлению хозяйством страны в целом. Таким освещением работы В. М. толкал работников МСНХ к лучшему обслуживанию промышленности.

Он умел ладить со специалистами в промышленности и заставить и их работать не за страх, а за совесть" [2]).

В течение всего периода работы в Московском Совете тов. „Влас" постоянно избирался членом его Исполнительного комитета.

В то же время Московский комитет партии использовывал его во всех проводимых в Москве кампаниях в качестве организатора, пропагандиста и агитатора.

---

[1]) Воспоминания М. Григорьева.
[2]) Из воспоминаний тов. Климохина.

ОПЯТЬ В МК

(Последние годы жизни)

1923—1924 гг.

После XII с'езда партии (апрель 1923 г.) ЦК откомандировал т. „Власа" в МК в качестве заведующего агитационно-пропагандистским отделом. „Влас" с удовольствием принялся вновь за партийную работу в МК, работая с обычной энергией и увлечением, но теперь он отдавал любимой работе уже свои последние силы. С декабря 1923 года он тяжело заболел воспалением почек и больше к работе не возвращался.

МК был первым местом его деятельности в Москве по приезде из эмиграции,—он же был и последним в его жизни.

Никто из близко знавших „Власа" не ожидал такой скорой кончины, и всего менее ожидал ее сам „Влас."

Всего два года перед этим, в 1922 году, во время его отдыха на Кавказе товарищи поражались—сколько жизненной силы было в нем. В горах Кавказа снова проснулась его страсть к бродяжничеству; окруженный молодежью, он затевал дальние прогулки в горы, поднимался на самые выси, оставался там ночевать, купался в горных ручьях под водопадами. Он не мог мириться с санаторным режимом, а удержать его от этих путешествий было трудно; наоборот, его упорная, сильная во всех стремлениях натура заражающе действовала и на других, и часто он увлекал товарищей за собой в эти бродяжнические похождения. Врачи, лечившие впоследствии В. М., высказывали предположение, что, возможно, эти прогулки и купанья были причиной его болезни—воспаления почек, которая так преждевременно свела его в могилу [1]). Веселость и жизнерадостность не покидали В. М. и осенью 1923 года, когда он отдыхал в Крыму на берегу Черного моря.

„Бывало заслышишь около дачи смех и знаешь уж—это В. М. рассказывает что-нибудь о своих приключениях". Перед от'ездом его из Крыма в Москву товарищи устроили ему прощальный вечер, на котором В. М. рассказывал присутствующим о том, „как умер папа Пий десятый", и заставлял всех хохотать до упада [2]).

В Крыму „Влас" находился под строгим докторским надзором, на строжайшей диэте, тем не менее, когда он в октябре вернулся в Москву, болезнь его стала быстро прогрессировать, и в декабре 1923 г. он слег. Целый год после этого „Влас" еще боролся с одолевавшей его болезнью. Его поместили в диэтическую лечебницу на Мясницкой. Весной в апреле 1924 г. его увезли в Крым, в санаторию близ Ялты. По дороге он все

---

[1]) Из воспоминаний т. Таратуты.
[2]) Воспоминания т. Захарова.

беспокоился, что его оторвали зря от работы, запрашивал врачей, когда сможет вернуться к своей работе, был полон забот о ней. В Крыму часто повторявшиеся уремические припадки заставляли его сильно страдать, и несмотря на это он поражал всех окружающих своей нетребовательностью и терпением.

В июне 1924 года В. М-ча увезли на Кавказ в Кисловодск, где он пробыл до конца своей жизни. Здесь в общении с людьми и природой, которых он так страстно любил всю свою жизнь, он провел свои последние дни. 21 октября 1924 года его не стало.

В заключение привожу несколько строк из воспоминаний Г. Голенко, характеризующих „Власа" с этической стороны.

„После Октябрьской революции проходит несколько лет. Я был в провинции и на фронте. Возвращаюсь в Москву и вижу—прежнего уж нет: порядка больше, но больше и формализма. Появились и „сановники", а „Влас" все тот же. Как-то попадаю на какое-то заседание в МК, в кабинет секретаря. Идет суждение по актуальному тогда вопросу—о парт-этике и правилах поведения для коммунистов. Берет слово т. „Влас". „Товарищи, — говорит он, — лучшие уставы о святом житии пишутся в монастырях, а каковы монахи—известно, поэтому предлагаю никаких уставов не писать".

Не знаю, изменил ли он свою точку зрения в последнее время, но, насколько я его знал, сам он в уставе не нуждался. Он был коммунист с ног до головы и всю жизнь был неуязвим по части парт-этики.

Может быть, и даже вероятно, известную формулу: „Этично для коммунизма то, что служит делу пролетарской революции, и не этично то, что ему мешает" он и не вспоминал, но жил по этой формуле, так как иначе он—старый большевик и жить не мог". Это подтверждают и другие товарищи, знавшие т. „Власа" в разные периоды его жизни.

В. М. Лихачев в гробу. 21 окт. 1924 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. М. ЛИХАЧЕВЕ

I

УХОДЯТ НАШИ ТОВАРИЩИ — РУКОВОДИТЕЛИ. НАДО МОЛОДЫМ ДОВЕСТИ ДО КОНЦА ДЕЛО, НАЧАТОЕ ИМИ

Прочел статью о преждевременной смерти т. Лихачева. Невольно забилось сердце.

Уходят лучшие наши товарищи-руководители.

Нам, молодым, надо довести до конца дело, начатое ими.

Я работал на профессиональной работе, и мне очень часто приходилось обращаться со всеми нуждами, волновавшими рабочих, к т. Лихачеву, который был в то время председателем МСНХ.

Никогда от т. Лихачева я не слышал ответа: подожди, мне некогда. Наоборот, он всегда самым внимательным образом выслушивал все наши нужды.

В последний раз я видел т. Лихачева у нас на заводе „Парастрой", когда мы чествовали наших героев труда.

До сих пор я помню слова т. Лихачева и думаю, что все рабочие завода запомнили эти слова.

„Мы не можем не радоваться,—сказал тогда т. Лихачев,—что старички, ветераны труда, не отстают от молодых и вместе с ними поднимают в гору нашу промышленность. Я могу смело сказать этим героям труда и всем рабочим завода „Парастрой", что ни один враг не сумеет упрекнуть нас в том, что мы разрушители. Все скажут, что мы рабочие—мы строители. Мы строим новую коммунистическую жизнь, в которой не будет ни угнетенных, ни угнетателей".

Крепко запали нам в память эти слова т. Лихачева.

Спи же, наш верный товарищ. Твою работу мы доведем до конца.

Рабочий завода „Парастрой" Кузнецов.

II

О МОЕМ ПЕРВОМ УЧИТЕЛЕ

(Из воспоминаний)

С т. Лихачевым я встретился впервые в Америке, в городе Саут-Бетлегеме, в 1914 году осенью. В то время, когда европейская бойня была уже в самом разгаре, а немецкие с.-д. проголосовали за государственный бюджет в пользу войны и покойный Плеханов открыто высказался за оборону, в русском брэнче социалистической партии в г. Саут-Бетлегеме, который тогда насчитывал не больше десяти членов, произошло большое недоумение вследствие оборонческой позиции Плеханова; для выяснения вопроса социалистическим брэнчем было организовано собрание, на которое и был приглашен докладчиком т. Лихачев из г. Нью-Йорка.

Помню, как сегодня, слова т. Лихачева, произнесенные на этом собрании. Он сказал: „Война, затеянная царями и королями, принесет революцию в Россию в первую очередь, а затем и в остальные государства. Эту революцию будут делать не последователи Плеханова, которые сделались оборонцами, а последователи тех тт., которые выступают теперь против обороны, против патриотизма и провозглашают лозунг „война войне". Дальше т. Лихачев призывал некоторых колеблющихся товарищей не итти за Плехановым, говорил, что рабочие Питера и других крупных городов России идут против войны, что и было заявлено их руководителями за границей, указывал при этом на т. Ленина.

Имя Ленина я тогда впервые услышал от т. Лихачева. Как неопытный еще в политике, я узнал тогда же и всю подоплеку империалистов, благодаря которой была затеяна мировая война.

Тов. Лихачевым в ярких словах была обрисована физиономия и предательская роль немецких и других меньшевиков-соглашателей, с которыми он призывал нас на открытую борьбу.

Тов. Лихачев, покидая наш городок, давал нам указания держаться большевистской линии и одновременно уверял нас, что в недалеком будущем большевизм восторжествует.

Над свежей могилой т. Лихачева, на ряду с глубокой скорбью о его смерти, с радостью говорю, что благодаря т. Лихачеву я впервые познакомился с целями и задачами большевистской партии. Его революционные слова и призыв на борьбу за освобождение трудящихся, брошенные в мою душу, останутся мною никогда незабытыми. Тов. Лихачев мой первый учитель большевизма.

В прошлом году я встретился с ним в Московском комитете и когда сказал ему об этом, он, довольный, пожал

мою руку. Когда я в беседе спросил, не забыл ли он английский язык, он ответил: „Я его и не учил,—некогда было". И действительно, т. Лихачеву было некогда. Он чувством борца-революционера слышал надвигающуюся революцию, и, раз'езжая по Американским Соединенным Штатам в качестве лектора-агитатора, к этой революции подготовлял русскую колонию. Он своими пламенными словами призывал ее на борьбу с капиталом.

Тов. Лихачева нет... Но сотни русских рабочих научились у старого большевика—т. Лихачева бороться и защищать то дело, за которое преждевременно он ушел в могилу—за дело ленинизма.

Г. Бушков.

26/X 1924 г.

СТАТЬИ В. М. ЛИХАЧЕВА, ПОМЕЩЕННЫЕ В АМЕРИКАНСКОМ ЖУРНАЛЕ „НОВЫЙ МИР“

„ДОЛЯ РАБОЧЕГО“ [1])

Значительная часть населения Америки—эмигранты. Громадное большинство из них не богачи, не искатели приключений, путешествующие ради забавы, чтобы на людей посмотреть да себя показать,—а рабочие. Ежегодно нужда гонит сюда сотни тысяч рабочих. Тяжелые условия жизни, невозможность прокормиться дома заставляют покидать свою родину и ехать на чужую сторону.

Так или иначе во всех странах плохо живется рабочим—всюду беднота должна работать на других, содержать банды тунеядцев, подчиняться, унижаться перед ними, влачить полунищенское существование и всегда с тревогой ожидать завтрашнего дня, боясь остаться без работы.

Многие рабочие знают где корень зла, и борются за переустройство общества, за уничтожение таких порядков, при которых одни работают и голодают, другие ничего не делают и наслаждаются жизнью.

Для этой борьбы передовые рабочие об'единяются в социалистические партии, а для непосредственной борьбы с хозяевами за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы они организуют профессиональные союзы (юнионы).

Все сильнее и ожесточенней становится борьба труда с капиталом. Рабочие об'единяются массами и в борьбе приучаются чувствовать заодно, действовать заодно, приобретают силу и уменье бороться.

С каждым годом крепче, гуще и грознее становятся ряды организованных, сознательных рабочих, но по сравнению со всей многомиллионной массой трудящихся они все еще представляют из себя небольшую кучку.

---

[1]) Все примечания, относящиеся как к этой, так и к последующим статьям В. М. Лихачева, сделаны т. Н. Н. Накоряковым. Е. Л.

Большинство не знает этой борьбы, сознательно не участвует в ней, не понимает и даже часто не хочет понимать ее.

Власть имущие — богачи, хозяева нашей жизни — соткали громадную паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи: стонут, кричат, страдают... Но их одинокие голоса и одинокие жалобы не возбуждают негодования, не об'единяют, а лишь внушают страх и ужас за себя, за свое собственное существование. Пока еще в большинстве случаев каждый своими личными усильями хочет вырваться из плена нищеты и рабства. Каждый сам по себе хочет быть кузнецом своего счастья. Как ночные бабочки на огонек летят, тычутся туда, где выше заработная плата, где имеется возможность подработать, скопить, хоть сколько-нибудь обеспечить себя.

Америка издавна считается страной богатства. Почти на всех языках существует выражение: в Америке золота хоть лопатой загребай [1]).

И все новые и новые толпы стремятся в эту обетованную землю в поисках лучшей доли.

С первых же дней приезда эмигранту приходится разочароваться. Рабочие, действительно, стараются, загребают золото лопатами, но складывают его в карманы хозяев капиталистов, сами довольствуясь лишь крупинками, падающими со стола господ.

Да и эти крупинки нельзя сберечь. Существуют сотни способов, тысячи пружинок, машинок, чтобы выманить, выкачать, выловить эти несчастные крупинки из дырявых карманов рабочего.

Колоссальные богатства американских капиталистов созданы руками эмигрантов, но, быть может, из тысячи одному из них удалось выбраться из рабочего положения, сбросить с себя ярмо наемного раба и самому сесть на шею других; многим же миллионам суждено лишь мечтать и работать до самой смерти, только работать и голодать.

Один из православных святых, рассуждая о величии бога, проникаясь трепетом перед его вездесущием, восклицает: „Камо пойду от духа твоего: аще во ад сниду—ты тамо еси; аще возьму крылья и полечу — ты тамо еси". То же самое мог бы сказать рабочий о капитале. Куда бежит наемный раб, современный рабочий от своего господина капитала, где

---

1) Настоящей статьей В. М. Лихачев борется с очень распространенным среди русской полукрестьянской эмиграции предвзятым мнением, которое жизнь жестоко разбивала, как только крестьяне попадали в фабрично-заводское пекло Америки. Для В. М. характерен проходящий чрез всю статью конкретно бытовой подход к теме. Это его любимый прием, за который его любили тысячи простых безвестных учеников, ставших, благодаря такой простоте подхода к ним, верными рядовыми великой пролетарской армии.

укроется он от его всевидящего ока, где найдет уголок счастья, свободы и равенства?

Нет такого места в цивилизованном мире[1]). Капитал вездесущ. И американский капитал из той же породы, что и европейский, тот же чорт, только чином повыше. Полновластно, самодержавно правит он страной. Смеется, хохочет над наивными американскими гражданами, любящими поговорить о своих свободах, кичащимися своей конституцией. Для его величества законы не писаны. Если ему нужно старое испытанное оружие угнетателей—армия, он воспользуется ею и будет расстреливать своих взбунтовавшихся рабов с той же безнаказанностью, что и российский император. Чувствует он потребность одурманить головы своих неофициальных подданных, купит попов всех религий, купит ораторов, поэтов, художников, артистов, и тогда в церквах, на площадях, в театрах, в газетах они будут отравлять наш ум, развращать наши чувства. Все продается, все покупается в этой стране „желтого дьявола".

Нет ни одного государства в мире, где бы так совершенно и вместе с тем так беззастенчиво и нагло постановлено было дело выжимания сока из рабочих. Почему так мало здесь стариков? Быть может, капиталисты и правительство построили дворцы с садами и там в неге успокаивают их старость? Нет... Интенсивность (напряженность) труда настолько велика, что рабочие изнашиваются и умирают раньше, чем достигают старости. В могиле они находят покой, ласку и негу... 35 тысяч смертных случаев от увечий на фабриках, заводах и шахтах Америки, происходящих ежегодно, говорят сами за себя.

В своем стремлении расти, выжимать соки капитал не знает жалости и преград. В его битвах и войне нет нейтралитета. Он использует взрослого мужчину, он придушит, придавит женщину, приспособит едва научившегося ходить ребенка. Все он возьмет, все ему нужно, лишь бы давало прибыль.

Вышеупомянутый святой трепетал перед таинственным, не познанным божеством и безропотно преклонялся перед ним. Наш господин капитал—творение рук человеческих; в своем развитии, в борьбе с природой человечество само создало это чудовище.

В свое время это чудовище переживало розовую, мечтательную юность, было также хищно, кровожадно и вместе с тем и полезно для развития человечества. Теперь оно одряхлело, сохранив и усилив свои недостатки, потеряло прогрессивную роль и способно лишь тормозить дальнейшие шаги на пути к совершенствованию человеческого общества.

Нужно изучить хитрую механику современного капитализма, нужно понять ее, отыскать слабые места и ринуться в бой, чтобы победить.

---

[1]) Не надо забывать, что статья была написана за 2 года до Октябрьской революции 1917 г.—Е. Л.

Американские сознательные рабочие делают это; нужно познакомиться с их борьбой и примкнуть к ним.

В. Лихачев.

„Новый Мир". Марта 17-го 1915 года.

„РАЗВОДИТЕ КЛОПОВ"

— Ну, дядя, ты что-то зарапортовался—скажет читатель, прочтя заглавие этой статьи.

— Лошадей разводить—это дело: лошади работают, приносят пользу человеку...

— Слыхали мы, что покойная императрица Екатерина II любила разводить людей. Подбирала крупных парней, женила их на дородных девицах, и был толк: родились большие мужики. А большого мужика для всего можно приспособить. Он хорош в солдаты и в городовые—большому сподручнее бить маленького. А если выйдет большой да смирный, и это не беда—хорош для работы на барина.

Ну, а на кой прах клопы, кому они нужны? Это уж никак не понятно!

Да и я тоже, читатель, до сих пор не знал о такой штуке, но вот недавно мне пришлось просмотреть газету „Русский Эмигрант"[1]), там-то я и вычитал этот совет.

Великомудрый Добров[2]), автор рецепта разведения клопов, болеет душой, что среди русских в Америке мало... торговцев. Русские рабочие вместо того, чтобы поддерживать русского лавочника, говорят: „Шел бы работать в шац, чем груши тут околачивать".

Жаль г. Доброву заблудших овец, не понимающих толк в бизнессе[3]).

„Опомнись, русский народ,—от всего сердца восклицает он,—помогай своим родным людям. Открывайте в своих городах и местечках собственные русские „шторы"[4]), „бучерни"[5]), конторы и прочие коммерческие предприятия"...

Ох-хо-хо... Всякий норовит присосаться к рабочему. Разного рода клопов нашему брату, простому человеку, и некогда пересчитать. К счастью, хоть разводить не надо,—сами разводятся.

Гавриле Доброву, как доброму патриоту, приятнее, чтобы русского рабочего кусали свои соотечественные клопики. Он

---

[1]) Газета, издаваемая поповско-царско-чиновничьей организацией в Нью-Йорке (Америка) в 1914—1916 гг. для более верного уловления эмигрантских душ.

[2]) Редактор вышеназванной газеты.

[3]) Английское слово, воспринятое в жаргон эмигрантов, означает,—„дела".

[4]) Лавка.

[5]) Мясная лавка.

даже уверяет, что это не только приятно, но и полезно. Вот как он описывает эту прелесть.

„Знаете, чем больше будет своих „бизнессменов“ [1]), тем меньше наши люди будут голодать в Америке. И чем больше будет русских богатых людей в этой стране, тем меньше наши земляки будут терпеть всякие невзгоды и лишения“.

Много благодетелей и советчиков у рабочего; он даже не знает о всех. Годами думают они, как улучшить положение бедняка. Кто рекомендует поменьше есть да пить; кто—не жениться, а кто—жениться, да детей не рожать... И бог знает, что еще. Многие рабочие слушаются: не пьют, не едят, детей не родят и не женятся, а все толку нет. Мозгов у вас не хватает, гг. советчики! Вот наш „русский человек“ кое-что изобрел... Отнесемся же серьезнее к изобретению умного Гаврилы и разберем его.

Что правда, так правда: мало у русских в Америке торговцев, салунщиков [2]), капиталистов,—почти все рабочие.

Ну, а вот у наших земляков, русских евреев, их хоть отбавляй. Посмотрим, так ли уж хорошо живут еврейские рабочие на Ист-Сайде [3]). Много еврейских домовладельцев, а почти каждый день вы можете видеть изломанные стулья, тряпье, какую-нибудь одеженку, выброшенные на улицу. Это еврейский домовладелец выселяет еврейского рабочего за невзнос квартирной платы.

Не мало мясных лавок: таинственные буквы на окне показывают, что здесь есть мясо для правоверного еврея. Но почему тысячи предпочитают есть селедку и не покупать мяса?

Почти на каждом углу конторы, продающие шифскарты [4]), а громадное количество бедных евреев годами ждет случая, чтобы выписать родственников, задыхающихся от гнета, насилия и нищеты в местечках черты оседлости.

Нет, пример с евреями не убедителен для редактора поповской газеты. Возьмем тогда наших двоюродных братьев—славян-поляков.

Польская эмиграция старее русской, и уже два миллиона поляков насчитывается в этой стране. Не мало банкиров, владельцев лавок и мастерских, но мы постоянно соприкасаемся с польскими рабочими и знаем, что они живут не лучше нашего.

Есть значительные группы еврейских рабочих, отчасти и польских, которым живется несколько лучше, чем многим

---

[1]) Опять английское слово, принятое в смешанном, ломанном языке эмигрантов, означает—„делец“.

[2]) Такое же слово,—кабатчики.

[3]) Восточная часть г. Нью-Йорка, населенная преимущественно евреями, итальянцами и эмигрантами других национальностей.

[4]) Пароходные билеты.

русским. Но почему? Потому что они организованы и путем ожесточенной борьбы отвоевывают каждый грош из цепких хозяйских рук. И то, что хозяин нередко оказывается одной национальности с рабочим, ничуть не меняет дела.

Быть может, русские торговцы и богачи, которых думает развести г. Добров, будут обладать особыми свойствами, они не будут помнить старорусский купеческий обычай ставить перед иконами пудовые свечи, до бесчувствия напаивать попов, дьяков и пономарей, забудут московскую купеческую поговорку „не обманешь—не продашь". Нет... Мы, жители центральных губерний, знаем своих торговцев и не видим разницы между ними и торговцами других национальностей.

Для чего же гг. Добровым и батюшкам разводить их? А ларчик просто открывается. Гг. батюшки вместе с Добровым открыли свою лавочку[1]) и, помазав по губам возможностью обогащения, наживы, пока что зовут публику поддерживать их лавочку.

Ну, это не мое дело: покупайте, товарищи, хоть у самого чорта, не только у попов, если будут продавать.

Но из-за простой и с виду безобидной мысли о насаждении русских „бизнессменов" проглядывают паразитические стремления. Церкви, как и представителям русского правительства, необходима опора для своей темной деятельности среди русских рабочих. Если многие рабочие поддерживают их, то только лишь до тех пор, пока мало развиты, забиты и запуганы. Но жизнь учит, и все труднее и труднее удержать симпатии рабочих на стороне как старого хищника—царского правительства, так и церкви, променявшей заветы Христа на сытую, привольную и пьяную жизнь.

Для дальнейшей успешной деятельности среди русской колонии необходимо создать целый слой имущих людей, лично заинтересованных в насаждении темноты.

Посмотрите на польских салунщиков, лавочников, банкиров, как энергично и деятельно помогают они попам, ксендзам крепко держать польских рабочих в лапах капитализма.

Нет, господа, не дело русских рабочих „разводить клопов"... Мы лучше подумаем, как отыскать средство от них избавиться. И единственным верным средством является организованность рабочих. Необходимо противопоставить свои рабочие интересы интересам всех тех, кто живет за счет рабочих мозолистых рук.

Лапатон.

„Новый Мир". Марта 22-го 1915 года.

---

1) Намек на приходские „кооперативные" организации при церквах в которые поповско-царская газетка „Русский Эмигрант" зазывала русских рабочих эмигрантов. Впоследствии эти потребиловки кончились растратами и скандалами.

„РУКА ДАЮЩЕГО НЕ ОСКУДЕЕТ“

Во всех церквах, монастырях нашей необ'ятной России и белое и черное духовенство твердит: „Рука дающего не оскудеет“...

Русский народ без попов и монахов хорошо понимает, какое большое несчастье—война, и все свои силы напрягает, чтобы помочь раненым, семьям запасных и беженцам.

Со слезами на глазах вынимает старуха годами скопленные „на саван“, „на гроб“ гроши, дрожащими руками развязывает заветную тряпичку и отдает все свое достояние. А после, быть может, долго-долго плачет...

Девчата на Рождестве „наславили“, „наколядовали“ несколько рублей и вместо того, чтобы купить обновки, шлют деньги в пользу раненых.

В каждой семье идут разговоры, каким образом урвать от своего бедного хозяйства пару рублей и послать на помощь жертвам войны.

Все газеты переполнены такого рода сообщениями. Нищий, полуголый русский народ последние гроши шлет тем, кто страдает...

В несчастьи узнаются друзья...

Посмотрим, что же делают попы и монахи. Они зовут крестьян и рабочих помочь жертвам войны, а сами прячутся за высокими монастырскими стенами и ни гу-гу—как будто бы не их дело.

Бюджетная комиссия государственной Думы, рассматривавшая государственные доходы и расходы, заявляет: „Наши монастыри „глухо отозвались“ на нужды войны и в пожертвованиях на лазареты и раненых отстают даже от сельского духовенства“.

Это значит: мало дает сельское духовенство, но еще меньше дают монастыри.

Мороз. Бушуют ветры... А монахи сидят в своих уютных теплых кельях, пьют чай с наливочками и ведут душеспасительные беседы:

— Холодно теперь нашим солдатикам бить немца, бороться за веру Христову...

— „А что им деется,—бегут да греются!...“

Спокойно чувствуют себя монахи: от военных налогов освобождены, в солдаты их не берут, а впереди можно ждать кое-что получше. Миллионы убитых... Миллионы панихид... Миллионы пятаков принесет попам и монахам сермяжный люд.

А между тем их богатства неизмеримы!

Одна Троице-Сергиевская лавра владеет наличными деньгами около трех миллиардов (миллиард равняется тысяче миллионов). Не менее богата Киево-Печерская лавра. Громадное имущество скоплено Александро-Невской лаврой в Петербурге и т. д., и т. п.

Значительную часть этих богатств сам принес темный русский народ. Еще больше привезли те, кто грабил народ: помещики, купцы и чиновники. В страхе перед смертью они этим думали спасти свои преступные души.

Пот и кровь наших отцов и дедов—эти богатства. Не правы ли русские социалисты, требующие на ряду с конфискацией (отнятием) царских, помещичьих земель такой же конфискации церковных и монастырских. Но я думаю, этого мало. Немедленно же во время революции должны быть конфискованы все деньги монастырей, все их имущество. Пусть эти богатства, хранящиеся у сеятелей тьмы, невежества и суеверия, пойдут на школы, на просвещение народа.

Пусть молодое поколение растет грамотным и просвещенным. Пусть оно не знает ни кадильного дыма, ни черных ряс [1]).

Лапатон.

„Новый Мир". Марта 24-го 1915 года.

ЦЕРКОВЬ И СОЦИАЛИСТЫ

„Почему вы, социалисты, мало даете на церковь? Ведь социализм стремится к свободе и счастью человечества на земле, а религия обещает блаженство после смерти...

Пускай люди устраивают счастье здесь, а кому этого мало, пусть заботится и о вечном блаженстве на небе. Одно другому не мешает".

Так частенько говорит мой приятель—религиозный человек, но сочувствующий социализму.

Я знаю, что не один он так думает и не одного его интересует этот вопрос; поэтому постараюсь на страницах нашей рабочей газеты коротко изложить взгляды социалистов на религию и церковь.

Религия есть вера в сверх'естественное.

Не зная причины того или иного явления, люди верят в сверх'естественное существо, которое якобы управляет миром и направляет судьбы людей.

Для истолкования воли, желаний сверх'естественного существа-бога появляются посредники между ним и людьми.

---

1) Социалистическая эмиграция в Америке вела энергичную борьбу с поповским дурманом. Поповские организации, поддерживаемые казной, во время войны особенно сильно играли на чувствах о помощи „страждущим братушкам-солдатушкам", собирали деньги, часто расхищали их, а главным образом на почве благотворительности-взаимопомощи затягивали русскую, преимущественно крестьянскую эмиграцию в церкви. Газета „Новый Мир" вынуждена была вести целую кампанию против этого обмана. В. М. Лихачев в этой длительной борьбе сыграл большую роль. Он во время своих многочисленных раз'ездов читал много лекций на такие бытовые темы, выступая на открытых уличных митингах.

У некоторых они называются жрецами, у других—шаманами, у третьих—раввинами, у четвертых—попами и т. д. Как бы они ни назывались, сущность остается та же. Власть их над людьми зиждется на том, что они якобы лучше понимают волю и желания бога, ближе стоят к нему.

Человечество постепенно изменяется. От дикого зверообразного состояния оно поднялось до современной цивилизации — пара, электричества, летательных машин, разрушительных орудий и т. д.

С каждым новым шагом развития человечества разрушались старые боги, старые верования сменялись новыми, вера во многих богов постепенно сменялась верой в „единого".

С изменением образа жизни людей изменяются способы угождать богу, меняются религиозные обряды.

Бог времен Авраама, по словам библии, иногда требовал человеческих жертв при прошении. Тот же бог теперь значительно скромнее и довольствуется меньшим.

В наше время существуют тысячи верований, десятки тысяч всевозможных обрядов.

Одни прыгают, другие скачут, третьи делают обрезание, четвертые оскопляются и т. д., и т. п.

Какую веру исповедует человек, как он „угождает" богу—зависит от его развития, оттого, где и как он живет.

Возьмем русского православного человека в Америке. Пусть он читает „Русс. Эмигрант" [1]) и ходит в церковь. Пусть попы и поповские прихвостни столько насорили у него в голове, что в три дня американской паровой лопатой [2]) не вычистишь, а свезите его на север, покажите ему эскимоса, молящегося перед своим деревянным богом, смазывающего губы своего божества оленьим жиром, и наш православный человек не удержится от улыбки. А когда увидит, как разгневанный на своего бога эскимос сечет его, а затем бросает в угол—быть может, расхохочется.

Русский православный человек на целую голову выше язычника-эскимоса. Он не сечет своего бога, не смазывает ему губы жиром или сметаной и не бросает под лавку. Но чтобы умилостивить его, он несет свои трудовые гроши в широкие и глубокие поповские карманы, ставит свечи, постится, а затем в праздник разговляется и в этот день ходит с расстроенным желудком. Возьмите у эскимоса деревянного бога, только-что брошенного в угол, и он почтет это за величайшее несчастье, ринется в поиски и будет искать до тех пор, пока не найдет или не умрет...

---

[1]) См. примечание выше.

[2]) В Америке для чистки сточных ям применяется такая паровая черпалка. На нее и намекает В. М., т. к. русские рабочие хорошо знали эту машину, ибо многие из них и сам В. М. работали при ней.

Запретите искренне верующему православному крестьянину ставить свечи, кормить попов,—он будет упорно отстаивать свои права и может даже за это умереть мученической смертью, как умирали русские сектанты, гонимые попами.

Мы стоим за свободу вероисповедания. Только в двух европейских странах—в Турции и России остались позорные законы против людей иной веры — неправославной в России и немагометанской в Турции. Эти законы либо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав.

По мнению социалистов, все эти законы самые несправедливые, самые позорные, самые насильственные. За их отмену борются социалисты в России и Турции. Для нас одинаково больно видеть русского „прыгуна" на его радениях, раскачивающегося рабочего еврея в синагоге и тощего русского рабочего, кормящего своими трудовыми грошами жирного попа. Мы думаем, полезнее было бы для них и для рабочего класса, если бы они и времени и деньгам нашли другое употребление.

Однако, мы считаем, что они имеют право поступать так, как им угодно. Их вера—дело их совести [1]).

В программе русских социалистов выставлено требование свободы совести. И всякий гонимый за веру всегда находит и находил в социалистах энергичных и искренних защитников.

Но религия и церковь часто выходят за пределы „небесного" и мешают рабочим в их борьбе за лучшую жизнь. Мы знаем, что религиозные предрассудки не вытравишь ни гонениями, ни насмешками, ибо причины их глубоко коренятся в жизни.

Мы терпеливо ждали бы, когда наука и техника постепенно изменяли бы условия жизни и шаг за шагом завоевывали бы одну твердыню религии и суеверия за другой. Но беда в том, что все религии, все церкви состоят на службе у власть имущих.

Все жрецы, все попы во имя благ на небе призывают верить в таинственное невидимое божество, сами же поклоняются золотому тельцу, дающему своим слугам богатство и роскошь на земле.

Все они сеют рознь между рабочими и мешают об'единению. Возьмите нашу православную церковь в России.

---

[1]) Осторожный подход В. М. Лихачева к вопросам религии был характерен для него, как опытного пропагандиста. Он, исколесив С. Америку вдоль и поперек, хорошо знал, как еще была темна русская крестьянская эмиграция и как было сильно влияние попов на нее. Поэтому в своей литературной и словесной антирелигиозной пропаганде он шел осторожно. Он всегда говорил, что это лучший путь. И он не ошибался. Успех его таких выступлений был огромен. Всякая вот такая статья завоевывала десятки новых сторонников социалистам. Это известно по письмам в редакцию после появления таких статей.

Круговой порукой связала она свое существование с самым злейшим врагом рабочего класса и всего русского народа—царско-помещичьим самодержавием. Православная церковь—покорная раба русского правительства. Она благословляет убийство и клятвопреступление. Все сделает, что прикажут.

Заветы Христа лишь приманка для бедного, измученного народа.

Там, где мы встречаем мерзости русского правительства, мы также неизменно наталкиваемся на представителей церкви, прикрывающих крестом—символом любви и страданий—всю эту мерзость насилий. Любовь и братство заплеваны ими. Любовь-братство может жить теперь только в массах трудящегося люда.

Но там она идет рука об руку с ненавистью к тунеядцам, паразитам-тиранам.

Посмотрите на знамена рабочих организаций и вы увидите символ новой любви: эти две сильные рабочие руки, крепко сплетающиеся в братском рукопожатии [1]).

Строители новой жизни зовут к об'единению, и тот, кто стоит на пути, как преграда, должен быть и будет отброшен.

Лапатон.

„Новый Мир". Апреля 27-го 1915 года.

БАРИН [2])

Россия—страна нищеты, варварства, застоя и неподвижности—имеет лучших знатоков дорогих вин, балета и музыки.

Русские князья и дворяне—командиры нашей жизни—неутомимые путешественники.

Под лазурным небом Сицилии, в снежных горах Швейцарии и в современном Вавилоне—Париже русский барин—свой человек. Золотым дождем направо и налево разбрасывает он деньги. Его „уменью жить" завидуют даже американские миллиардеры.

И добр он, и щедр, и славен!

Удивляются чужеземцы ловкости и хитрости русского народа: как это сам ходит он в лаптях, ест хлеб с лебедой, а своих господ умудряется содержать в неге и роскоши.

---

[1]) Здесь В. М. Лихачев говорит об эмблеме америк. социалистической партии, под знаменем которой он вел борьбу в Америке, состоя активным членом русских отделов этой партии, а не только членом русских заграничных с.-д. (большевистских) организаций.

[2]) Статья эта является образцом первоначального классового просвещения, большим мастером которого был В. М. Лихачев. В стиле этой статьи он вел беспрерывные беседы с земляками-мужичками, в стиле ее он читал лекции, в стиле ее он в свое время вел кружки. В. М. Лихачев был одним из лучших известных мне популярных пропагандистов, никогда не говоривших скучно, немногословных и всегда глубоко содержательных.

И сами господа вдали от родины, видя бунтовщика-француза, гордого англичанина или строптивого немца, дивуются терпенью русского народа.

Нет-нет, да после сытного обеда, дорогого вина добрым словом вспомянут мужика: „святая скотинка", шепчут они с умилением...

Так идут годы за годами. Вчерашние ребята становятся мужиками. Одно поколение сменяется другим.

Барин—помещичий класс хорошо знает свое дело. Вместе с самыми крупными помещиками—русскими царями крепко охраняет свое благополучие.

В России—стране земледельческой, которая при других условиях в состоянии прокормить хлебом всю Европу—народ чаще, чем где-либо, пухнет и мрет с голоду.

В России - стране здорового, умеренного климата—ежегодная смертность превышает смертность других стран.

Холера, тиф и цынга—постоянные гости нашей родины.

В стране, занимающей первое место по количеству лошадей и рогатого скота, больше половины населения не знает другой обуви, кроме лаптей.

Секут, порют, давят, душат, морят с голоду многомиллионную Русь „добрые баре" и „божею милостью" цари...

Чтобы она не пикнула,
Чтобы не вздыхала бы,
Чтобы „ура" кричала бы!

Давят не только крестьянина и рабочего, но во многом отношении не дают простора купцам, попам и мещанам.

Купец-промышленник не может ничего сделать без разрешения царского правительства. Его предприимчивость зависит от стоящего у власти помещичьего класса.

Выгодна правительству та или иная отрасль промышленности, оно „поощряет" ее, нет—оно будет ставить преграды на пути ее развития.

Однако, жизнь идет вперед. „Гони природу в дверь—она влетит в окно". Несмотря на все препятствия, и на Руси дымят фабричные трубы, шумят машины, развиваются промышленность и торговля. Постепенно Россия покрывается сетью железных дорог. Растет и крепнет промышленный класс (буржуазия). Царское правительство иногда ласкает, приголубливает буржуазию. Во время борьбы фабриканта с рабочими оно всегда встает на сторону фабриканта, но упорно не хочет делиться властью.

Только с заднего крыльца, обивая пороги барских дворцов, русская буржуазия может влиять на ход государственных дел. Правит страной дворянско-царское самодержавие.

Посмотрим, как собирает и расходует русское правительство деньги. Три четверти дохода берется с малоимущих людей. Шестьдесят один рубль из ста уходит на нужды самого дворянства—чиновничьего сословия.

Несколько больше 10 идет на потребности промышленности.

Для просвещения народа, например, в среднем на каждого человека тратится 31 к, тогда как в Англии 2 р. 36 к., в Германии 3 р. 93 к. Вот почему в России 70 человек из ста неграмотных.

Всем слоям российского народа тяжело живется под гнетом царско-помещичьего кулака, каждый по-своему борется с ним, но наиболее решительным борцом является рабочий класс. Великая цель российского рабочего класса, как и рабочих всего мира—социализм. Эта цель может быть достигнута только политической борьбой, борьбой за завоевание государственной власти.

На пути к этому завоеванию русский рабочий класс должен получить права гражданина, которых лишены все русские люди. Поэтому в данное время российский рабочий класс борется с царским самодержавием и противопоставляет ему народовластие. Народовластие—это значит, что народ перестает быть управляемым, вся государственная власть должна исходить от самого народа, в его воле находит свое оправдание. По мнению сознательных рабочих, лучше всего обеспечит проявление воли народа демократическая (народная) республика с всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом.

Громадное большинство населения России—крестьянство. Оно живет в нищете и справедливо видит причины нищеты в малоземелии. Российские социалисты выдвигают требование конфискации помещичьих, удельных, церковных и монастырских земель и передачу их в безвозмездное пользование крестьян. Но этого мало. Установлено, что „малоземелье“ получается от многих причин.

1) Оттого, что земледельческое население составляет слишком большую часть общего населения страны, следовательно, от недостаточного промышленного развития. Промышленному развитию России мешает старый барин—российское самодержавие.

2) Оттого, что посевы составляют небольшую часть всей территории. Расширение площади посева может происходить благодаря осушению болот, расчистке леса.

Это может быть выгодно, когда будет приближен рынок для народного хлеба, когда Россия покроется сетью железных и шоссейных дорог. Этому мешает барин—самодержавие.

3) Урожай России ниже, чем в других странах. Крестьяне не могут как следует обрабатывать землю, а свыше четверти из них только числятся ведущими сельское хозяйство, на самом же деле, не имея главного средства сельско-хозяйственного производства—лошади, совершенно лишены возможности обрабатывать свою землю.

Для того, чтобы повысить урожаи, необходимо удобрять почву, вводить искусственное орошение, вообще улучшить обработку земли. Это может быть при условии свободы кооперации, грамотности, развитии образования и предприимчивости.

Всего этого боится старый барин — самодержавие.

Крестьянство быстро усваивает необходимость борьбы за землю, а задача рабочего класса в интересах дальнейшего развития России помочь этой борьбе за землю превратиться в борьбу за волю.

Русские социалисты в день первого мая в числе других требований всегда выставляют требование уничтожения самодержавия.

Мы, выгнанные с родины нищетой, бесправием и гнетом, охотно присоединимся к ним.

Лапатон.

„Новый Мир". Мая 1-го 1915 года.

„МУВИНГ-ПИКЧУРС" [1])

Встречали ли вы хоть одного человека, жителя города, который не бывал бы в „Мувинг-Пикчуре"—кинематографе? С уверенностью можно сказать, что нет.

Кинематограф проник всюду и во все слои общества. В рабочей же жизни он отчасти заменил книгу, хождение в „гости" и театр. Разве только салуны—кабаки могут соперничать с ним. Каждый вечер миллионы рабочих, их жен и детей проводят время в кинематографе. По словам одного из управляющих крупной кинематографической фирмой, некоторые пьесы в течение 3 месяцев проходят в среднем перед 500 миллионами зрителей.

Кинематографические фирмы являются международными предприятиями, ворочающими миллионами и имеющими свои отделения во всех городах земного шара, занимая сотни тысяч рабочих и служащих.

Достаточно сказать, популярный в Америке артист кинематографа Чарли Чаплин получает сотни тысяч долларов в год.

Еженедельно изготовляется более 21.000 метров кинематографической ленты. Это приблизительно равняется 30 верстам.

В чем секрет такого успеха? В занимательности, в уменьи завлечь зрителя, приноровиться к его вкусам.

Кинематограф как раз приспособлен ко всему укладу современной рабочей жизни.

---

[1]) Английское слово, означающее—„движущиеся картины". Так называется в С. Америке кинематограф. Оно привилось в ломаном эмигрантском языке, так как дешевые кинематографы являлись наиболее доступным эмигранту-рабочему развлечением. „За пятачок в час пропотеешь и удовольствие получишь", говорили шутники.

Медленно, однообразно тянется рабочее время, многими годами приходится торчать на фабрике за одной и той же скучной работой. И вне фабрики рабочая жизнь так бедна впечатлениями. Сегодня, как вчера, завтра, как сегодня... Не даром кинематограф в России называют „иллюзионом". И действительно, в противоположность обычной нашей жизни пред вами, как живые, проносятся леса, реки, озера, горы и долины.

Вы, мирный труженик, всю жизнь свою делающий штанишки для детей, хотите сильных ощущений. Извольте. Пред вами железнодорожная катастрофа с человеческими жертвами или укротительница зверей, натравливающая послушную львицу на свою соперницу.

С замиранием сердца вы следите, как какие-нибудь беглецы и преследующие их всадники делают головоломные прыжки, взбираются чуть не на отвесные скалы, скачут через пропасти.

Тысячи людей следят за усовершенствованием кинематографической техники, чтобы дать вам новые фокусы, новые чудеса.

Мне приходилось читать, как приготовляются опасные сцены для кинематографа. Снимают сцену воровского набега на дом. Вор с легкостью мухи взбирается по стене десятиэтажного дома на самую крышу; за ним взбираются полицейские, за полицейскими любопытные и чья-то собака; все это проделывается с громадной быстротой—точно действующие лица бегают по полу.

На деле оно так и есть: пол сцены, как ковром, покрыт изображением десятиэтажного дома; артист, играющий вора, на четвереньках и, конечно, без всякого напряжения путешествует по изображающему дом полотну, за ним то же проделывают полицейские, собака и т. д. Фотограф же между тем, поместив свой аппарат в воздухе с повернутым к земле об'ективом, с нужной быстротой вращает рукоятку и снимает происходящую сцену.

Несколько иначе делают в таких, например, вызывающих удивление зрителей сценах, как бешеная скачка автомобилей где-нибудь в лесу, при чем автомобиль, лавируя между деревьями, проделывает такие головоломные зигзаги, что нужно удивляться, как он может не разбиться вдребезги. На самом деле зигзаги, которые он делает, не так коротки, и деревья, между которыми он лавирует, стоят на значительном расстоянии друг от друга. Дело просто: когда кинематографическая лента готова, из нее через равные промежутки вырываются куски, а разрозненные части потом искусно склеиваются. Благодаря такому маневру зигзаги получаются короче, а деревья в лесу гораздо гуще.

Иногда сценические фокусы получаются таким простым средством, как остановка в нужное время аппарата.

Ни один театр по разнообразию, богатству обстановки не может сравняться с кинематографом, еще больше, конечно,

никто не может конкурировать с ним по дешевизне. За 5 –10 центов вы получаете удобное кресло, в котором можно отдохнуть, а подчас даже и вздремнуть. Кроме того, кинематограф по своему существу международен, артисты его говорят на одном языке, общем для всех национальностей—на языке жестов и мимики, понятном для всех. Это имеет громадное значение для иностранцев.

Нет ничего удивительного, что капиталисты воспользовались кинематографом, заставили служить его своим целям, с помощью его они прививают рабочим свои вкусы, свою нравственность, воспитывают смирение и покорность.

Любимые герои кинематографа—полицейские и сыщики; они полны благородства, мужественны и бескорыстны, всегда удачно спасают и выручают из беды. Смирение на сцене кинематографа всегда награждается, строптивый же и непокорный, гордый боец-рабочий гибнет, если он не раскается, не придет с повинной к своему хозяину. Хозяин, конечно, добр, прочитает нотацию, великодушно принимает заблудшую овцу в свое стадо.

На сцене кинематографа жизнь молодого работника или работницы небезнадежна, рисуется целый ряд возможностей разбогатеть, выдвинуться и пробить себе дорогу. Нередко в молодую добрую работницу влюбляется хозяйский сын и даже сам молодой красивый хозяин; дело кончается не как в жизни— „обольщением и гибелью девушки", а „честным пирком и свадебкой".

Скэбы [1]) тут добрые храбрые ребята, помогающие своей храбростью торжеству добрых хозяев против безумных буянов—рабочих.

Стачки, как нарочно, проигрываются, руководители их оказываются злодеями и гибнут где-нибудь, валяясь пьяными под забором. Все идет как по маслу: добро торжествует, зло наказывается.

Изображение жизни в таком виде, на ряду с буржуазным воспитанием в школе, одурманиванием продажной прессой, проповедями церкви—делает свое дело: приготовляет верных и покорных рабов капитала. Политиканы—командиры нашей жизни—тоже не ротозеи и с неменьшим уменьем пользуются кинематографом для своих политических целей. Но об этом поговорим в следующий раз [2]).

Лапатон.

„Новый Мир". Марта 8-го 1916 года.

---

[1]) Стачколомы-штрейкбрехеры, наемные срыватели стачек рабочих.

[2]) Как видим, статья опять насыщена бытом и бытом, не теряющим значения сейчас. В. М. Лихачев, любивший этот быт, как канву для вышивания художественного революционного рисунка—учения классовой борьбы и социализма, везде пользовался для целей пропаганды бытом. Поэтому статья эта остается поучительной даже для руководителей советской кинематографии. Она жива, как жизнь. Она характерна для журнальной работы В. М. Лихачева.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ВОЙНА

Несколько дней тому назад я встретил одного молодого человека, только-что приехавшего из России.

Расспрашивая о жизни нашей далекой родины, я, между прочим, задал такой вопрос:

— Ну, а что, много богу молятся теперь в России?

— Да как вам сказать... Молятся те, кому нужно итти на войну, у кого близкие на войне. Несомненен под'ем религиозности на фронте. А кто живет в безопасности, остались такими же, как и были, да и некогда молиться, надо наживать деньги и проживать их.

Приблизительно то же самое свидетельствуют газеты.

И это верно не только по отношению к России, но и ко всем воюющим странам.

Страх смерти питает религию и родное дитя религии — суеверие.

Современный солдат и даже офицер представляет из себя лишь пешку на шахматной доске. Он не знает, куда и когда должен двинуться, нападать или отступать. Невидимая рука направляет все его действия.

Ни личная храбрость, ни осторожность и трусость — ничто не дает уверенности в своей безопасности.

Разорвавшаяся шрапнель достает прячущегося и щадит стоящего на открытом месте. Масса случайностей, трудно поддающихся учету, похожих на чудо. „Счастливый", „заколдованный", говорят про некоторых уцелевших участников боев.

Очевидцы рассказывают, что на груди убитых солдат и офицеров находят всякого рода талисманы, амулеты: кусочек ногтя святителя, песчинку святой земли, какую-нибудь травку и т. д.

Смерть делается привычной, но не теряет своего мрачного величия. Голод и физические страдания не убивают желания жить у молодежи, в большинстве случаев наполняющей армии.

Хочется жить, жить...

Гибель одного, другого товарища создает уверенность в неизбежности своей смерти. А навстречу отчаянию и страху перед „небытием" идут попы всех вероисповеданий и несут утешение и посулы воскресения и загробной жизни.

В такой обстановке даже неверующие или сомневающиеся заражаются общим настроением.

Я просмотрел русские газеты за две недели и удивился спросу армии на монахов, попов, чудотворные иконы и пр.

С французского фронта пишут:

„Декретом Мильерана установлено, чтобы на боевых позициях были как католические священники, так и протестантские

и раввины. Сотни попов записались в армию в попы, но этого оказалось мало. Генеральный штаб допустил еще 250 таких, а записались тысячи.

Великий раввин Леви потребовал места для своих священников в отрядах зуавов, где по преимуществу служат евреи. С подвернутыми сутанами, с обернутыми бинтами икрами, в боевых стальных шлемах, многие в военной, присвоенной полкам форме, священники не отстают от своих отрядов".

Полуночные мессы [1]).

Мессы в окопах.

„Телега с соломой и на ней мой маленький боевой алтарь. Клочок сукна, несколько хризантем. Около сонные коровы... Не можете себе представить, как торжественно звучат голоса солдат в такой „обстановке"!—восторгается один попик.

Военный корреспондент В. Немирович-Данченко пишет:

„На французском фронте нация мирится со своим духовенством".

Возможно, что из попов всех вероисповеданий, у всех воюющих государств не мало будет убито, быть может, многие проявят мужество, самоотверженье и героизм. Их имена покроют ореолом святости. Тысячи оставшихся проповедников размалюют, сочинят чудеса, создадут легенды и получат в свои руки кучу „козырей", с которыми успешнее можно будет сеять мрак и суеверие.

Социалистическая партия за свободу вероисповедания, против гонения какой-либо веры, но по своему существу она глубоко враждебна всякой религии, всякой вере.

Тот, кто строит счастье человечества на земле, предоставляет небо, выражаясь словами поэта Гейне—„... воробьям, резвым сильфидам и всем в этом роде". Кто строит его путем об'единения угнетенных для борьбы с угнетателями, тот неизбежно должен наносить удары сторонникам перемирия, противникам классовой борьбы.

Основоположник нашего социалистического движения Карл Маркс назвал религию одурманивающим средством. „Религия—гашиш одуряющий",—говорил он. Опыт рабочего движения подтвердил это. Разрушители капиталистического строя неизбежно разрушают и богов, и если религиозность усиливается, то, очевидно, ваша обязанность усилить и борьбу с ней.

Лапатон.

„Новый Мир". Апреля 26-го 1916 г.

---

1) Католические обедни.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Свершилось. Лопнуло терпенье обездоленного русского народа. Восстал он. Свергнул старый романовский дом. Сбросил ржавые цепи, мешавшие ему жить, расти, развиваться.

Великая революция, как лесной пожар, охватившая всю Россию, вселила ужас в угнетателях, бодрость в угнетенных и поставила перед всем русским народом вопрос, имеющий колоссальное, решающее значение для России, для всего мира.

В эти великие дни всем стало ясно, что народ сам должен взять свою судьбу в свои собственные руки. Насильники-опекуны должны дать отчет, предстать перед грозным судьей—русским народом. Самодержавие русского царя и его чиновников неизбежно заменяется *народовластием*.

„Пусть народ сам скажет, хочет ли он меня царем", ответил Михаил Романов, когда лакеи русской буржуазии предложили ему царскую корону.

И мог ли он сказать что-либо иное! Ибо разгневанный народ, срывая без его воли надетую корону, сорвет вместе с короной и царскую голову.

Итак, власть народа должны были признать все, даже враги его—вплоть до представителя романовского рода.

Теперь посмотрим, каким образом узнать волю народа; каким образом выполнить желание 180-миллионного населения России, разбросанного на протяжении десятков тысяч верст.

Еще в памятные дни русской революции 1905 года народные (крестьянские и рабочие) партии выдвинули требование *созыва полновластного Учредительного собрания*. И теперь, под давлением восставших рабочих, Временное правительство созывает народных представителей—Учредительное собрание.

Учредительное собрание должно быть созвано на основе *всеобщего, прямого и тайного голосования*. *Всеобщего*—все мужчины и женщины, достигшие 20 лет, могут принимать участие в выборах *Равного*—каждый избиратель может быть выбран. *Прямого*—без всяких уполномоченных и выборщиков: без всяких решет и сит. Кандидаты *прямо* должны выбираться в Учредительное собрание. Голосование должно быть *тайным*, чтобы богачи не могли запугать бедняка, заставить его голосовать, как они хотят.

Учредительное собрание должно быть *полновластным* (суверенным), т.-е. оно должно иметь право произвести изменения, какие только найдет нужными: отбирать земли царские, удельные, монастырские и прочие, наделять крестьян землей, с корнем вырвать дворянство и остатки крепостного права, выработать и провести в жизнь рабочее законодательство, установить, какой порядок, какое правительство должно быть на Руси;

сложить свои полномочия, как только будут выбраны новые представители в законодательные учреждения.

Учредительное собрание, действительно, выполнит волю народа, если оно будет созвано при условии полной свободы слова, печати, собраний. Должно быть выяснено, чего добиваются крестьяне, рабочие и буржуазия, чтобы каждый мог голосовать согласно своим интересам—интересам своего класса.

Чего нужно добиваться рабочим, чего будет добиваться социал-демократическая рабочая партия—об этом поговорим в следующий раз.

Такое Учредительное собрание может быть созвано только в том случае, если волны революционного движения не улягутся, если, действительно, революционное временное правительство будет выдвинуто самим народом, готовым взять свою судьбу в собственные руки[1]).

Лапатон.

„Новый Мир". Марта 21-го 1917 года.

ПО НОРТ ДАКОТЕ

(Из записной книжки подневольного туриста)

I

После двух месяцев путешествия со всеми удовольствиями и невзгодами разнообразной, полной приключений и тревог жизни трампов, работы в каменоломнях, постройки центральных мостов и пр. мы, наконец, в фермерском городе Майнате.

Освобождение от работы, от криков „горри-оп", хотя бы и временное, настраивает жизнерадостно. Как школьникам, вырвавшимся из душной классной комнаты и убежавшим от строгостей учителя, нам хочется шумных, почти детских удовольствий. Идем в кинематограф, смотрим патриотические картины победоносной войны американцев с японцами в 1920 г. Любуемся на будущего президента и вождя победоносной армии, загримированного Вильсоном. Бросаем центы в автоматические весы, фонограф, силомер и, пресыщенные всеми удовольствиями, доступными рабочему, направляемся на покой.

---

[1]) Статья эта была написана В. М. Лихачевым вскоре же по получении первых сообщений о Февральской революции. Подробностей еще не было, размах движения был не известен. Но даже при этих условиях В. М. на первый план выдвигает революционные требования в той форме, в какой это могло быть доступно читателям „Нового Мира"—малоразвитым рабочим из крестьян-эмигрантов. В последних, подчеркнутых словах он имеет в виду идею диктатуры пролетариата и крестьянства, сторонником каковой, как старый большевик, он всегда был. Чуткая простота формулировки—это обычный подход В. М., как журналиста. Через пять дней по напечатании этой статьи—26 марта он с первым же пароходом „Христиания", отходящим из Нью-Йорка в Европу, уже сам ехал на поле битвы, на которое звал других.

Как вдруг среди улицы видим такую картину: стоит старик с пожилой женщиной и мальчиком; все трое беспомощно смотрят то на один, то на другой дом. По типу лица, по одежде, по мелким, почти неуловимым, но характерным признакам не трудно узнать эмигрантов из малороссийских губерний. Спешим на помощь, идем мимо их, разговаривая по-русски.

— О, боже мий, вы балакаете по-русски,—говорит нам землячка.

Останавливаемся, хотим задать обычные в таких случаях вопросы, но старуха тотчас же приступает к делу:

— А знаете ли, где наша Мэри живет? Мэри — это по-ангельски, по нашему Маруся, донька моя.

Идем вместе искать велику улицу, расспрашивая по пути об их житье, об урожаях, о других русских.

Оказывается, в Америке они уже более 20 лет, но почти не говорят по-английски, ничуть не изменились по наружности, как будто бы сейчас на своей Украине, только вчера на волах приехали из своей Кирилловки и дивятся: „Як в Читирине дома велики".

Узнаем, что здесь много русских ферм и есть несколько маленьких фермерских городков с русским населением: Киев, Калуга и пр.

— Мы херсонские,—поясняет нам наша спутница,—а тута все киевляне. Дуже добры, а все-таки сумно с ними, наши якось лучше.

Встреча с земляками растревожила дремавшую тоску по родине. Захотелось заглянуть хотя бы в этот уголок русской жизни, и мы решили во что бы то ни стало побывать в Киеве.

Возвращаясь на квартиру, на фермерский сеновал, где нашли временный приют, мы всю дорогу разговаривали о России. Товарищ мой рассказывал о белых хатах, окруженных вишневыми садами, о светлых лунных ночах, о дивчинах, о парубках, о дивных малороссийских песнях. Уже засыпая, я слышал, как он напевал:

„Ой дуба, моя дуба,
Дивчина моя люба"...

II

Вот и Киев, но нет Днепра, нет и зеленых тенистых садов. Обычный вид маленького фермерского городка с серой однообразной архитектурой домов, с тремя хлебными элеваторами, с Мейн-стрит, где сосредоточены все магазины, банк и почта. В конце городка две баптистских церкви: русская и немецкая. Немцы, по большей части тоже выходцы из России, приняли баптизм и успокоились. Русские, по преимуществу малороссы, бродят в поисках „божьей правды", переходя из одной церкви в другую.

Осматривая город, натолкнулись на группу оживленно спорящих фермеров. Прислушались. Спорят о том, можно ли есть

свинину или нет. Один, повидимому, субботник, из кожи лезет, доказывая, что свинину есть—грех. От аргументации обоих противников пахнуло чем-то затхлым, напоминающим споры православных миссионеров с раскольниками.

Зашли сначала в немецкую церковь; в это время там обучали детей немецкому языку. Вероятно, дома и на улице дети говорят по-английски, но очень может быть, что значительная часть молодых немцев будет владеть и английским и немецким языками. Не то среди русских. Дома говорят по-русски, но, очевидно, детей по-русски не учат ни читать, ни писать. В самом ближайшем будущем для молодого поколения русский язык будет „низшим" языком, на котором достаточно слов лишь для того, чтобы об'ясняться со стариками.

Новое, светлое, сравнительно большое помещение русской баптистской церкви, удобные скамьи для сидения, красивые голоса, уменье петь, скрашивающее плохую музыку баптистских псалмов—производят хорошее впечатление.

Православие убивает самодеятельность рабочих, а из молящихся: поп, дьякон, певчие делают все; прихожанам остается только стоять и слушать. Здесь не так: все поют, каждый желающий может читать евангелие и говорить. Вот молодой „брат Григорий", еще неопытный проповедник, неуверенно, заплетающимся языком читает и толкует евангельский текст. Слушатели поощрительно улыбаются, желая тем ободрить новичка. Место его на кафедре занимает потом местный светила Ц. Гладкая, чисто выбритая физиономия, умение связно и толково говорить, мягкий, вкрадчивый голос, каким с одинаковым успехом можно звать на небо и в лавку—порукой тому, что и земные дела проповедника идут не дурно. Действительно, Ц. не только хороший проповедник, но и делец, умеющий выкачивать из дырявых карманов своих единоверцев все, что нужно для сытой жизни.

Вечером вновь ходим по городу, смотрим, прислушиваемся, ждем, не запоют ли хлопцы и дивчины, не раздастся ли веселый мотив гопака. Но нет, все тихо. Лишь издали доносятся звуки органа и одинокий грустный голос:

„Отчизна моя в небесах, в небесах"...

Повидимому, бог в представлении наших сектантов—бог мрака, плача и печали. Малоросса, умеющего повеселиться, попеть, взять кое-что и от скудной, бедной крестьянской жизни, религия превратила в скучного пуританина.

Впрочем, жизнь берет свое—молодежь ищет развлечений. Биллиардный дом был полон. То русские фермерские хлопцы тихонько от своих отцов щелкают шарами в счет будущего урожая.

Гр. Л—в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вступление	5
Детство и школьные годы—1882—1900 гг.	7
На Урале (Пермь и Уфа)—1901—1903 гг.	11
В Самаре—1903—1904 гг.	15
В Казани—1905 г.	18
В Николаеве—1905 г.	21
На Урале (Нижний Тагил)—1906 г.	22
В Москве—1906 г.	23
В Казане—1906 г.	25
В Москве—1906—1908 гг.	26
В Таганской тюрьме—1908—1910 гг.	29
В Сибирской ссылке—1911 г.	38
В Америке: В Сеатле—1912—1913 гг.	46
В Америке: В Чикаго—1913—1914 гг.	52
В Америке: В Нью-Йорке—1914 г.	53
В Америке: В Бостоне—1915 г.	57
В Америке: В Филадельфии—1916 г.	62
В Московском Комитете—1917 г.	68
В Московском Совете—1918—1923 г.	71
В Московском К-те—1923—1924 гг.	75
Воспоминание т. Кузнецова	78
Воспоминание т. Г. Бушкова	79
„Доля рабочего"—статья В. М. Лихачева	81
„Разводите клопов" „ „	84
„Рука дающего не оскудеет" „	87
„Церковь и социалисты" „	88
„Барин" „	91
„Мувинг-Пикчурс" „	94
„Религиозность и война" „	97
„Учредит. собрание" „	99
„По Норт Дакоте" „	100

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. и К. Д.
„НОВАЯ МОСКВА“
Москва, Кузнецкий Мост, 1. —— Телеф. 2-08-96

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

А-Н., АРК. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии (от начала XIX века до нашего времени). 6-е полное изд., доведенное до 1925 г. 516 стр., ц. 3 р.

БРАСЛАВСКИЙ, И. Материалы к истории первого и второго интернационалов. Предисловие А. Тальгеймера, 1926 г., 554 стр., ц. 5 р.

ГОРЕВ, Б. И. История социализма (в связи с развитием рабочего движения). В двух томах. Т. I. Социализм на Западе. Изд. 3, вновь просм. и доп. 1925 г., 456 стр., ц. 2 р. 50 к.

ГОРЕВ, Б. Огюст Бланки. Его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма. Изд. 2, просмотр. и дополн. 1923 г. 146 стр., ц. 20 к.

ДЕЙЧ, Л. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. Вып. I. От народничества к марксизму. 1922 г. 109 стр., ц. 60 к.

ЗАСУЛИЧ, В. Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей. 1923 г. 146 стр., ц. 90 к.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРЕСТОМАТИЯ. Т. I. 1923 г. 477 стр. ц. 2 р. 20 к.

КАМЕНЕВ, Л. Б. Между двумя революциями. Сборник статей. 1923 г. 632 стр., ц. 4 р. 50 к.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ. Сборник статей, заметок и воспоминаний. Под ред. Н. Овсянникова. 1922 г. 176 стр., ц. 75 к.

ОТ ФЕВРАЛЯ к ОКТЯБРЮ (в Москве). Сборник статей, воспоминаний и документов. Вып. I. 1923 г. 302 стр., ц. 1 р. 50 к.

РОЛЛАНД-ГОЛЬСТ, Г. Жан-Жак Руссо. Его жизнь и сочинения. Перев. с немецк. Ад. Острогорской. 1923 г. 290 стр., ц. 1 р.

СЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ (1917—1924). Материалы для агитаторов и пропагандистов. Под ред. М. Лядова. 1924 г. 109 стр., ц. 50 к.

ФЕНОМЕНОВ, М. Я. Разиновщина и Пугачевщина. 1923 г. 236 стр., ц. 40 к.

Любую книгу по всем вопросам знаний высылает немедленно наложенным платежом Почтовый Отдел Издательства (Москва, Моховая, 24, 3-й книжный магазин из-ва Моссовета „Новая Москва“). Почтовый Отдел Издательства принимает на себя составление библиотек и библиотечек по всем вопросам и на различные суммы. Имеется большой выбор комсомольской и пионерской литературы. Учреждениям и организациям льготные условия—скидка и кредит. Каталоги и проспекты собственных изданий бесплатно—на пересылку прилагать марку.

23105

Цена 1 руб. 20 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Торговый Сектор Издательства
„НОВАЯ МОСКВА“
Кузнецкий Мост, д. № 1. Тел. 2-08-96.